Беньямин Мушинский



ФОН

Беньямин Мушинский

Фон

Перевод с польского языка: Мария Ерошкина
Верстка: Дмитрий (Jumangee) Репин
Версия 1.0

КвестБук: книги-игры и сторигеймы
https://quest-book.ru
2021г.

От автора

Когда я писал эту книгу-игру, я хотел, чтобы она позволила читателю пройти определённый путь, для которого важен не пункт назначения, а само путешествие. В отличие от предыдущих проектов, в «Фоне» героя не направляет никакая общая для всего произведения цель. Поглощённый революцией окружающий мир меняется на его глазах, а он должен реагировать на это сразу на двух уровнях — как человек и как художник.

Цикл «Мегиддо»

Книга-игра «Фон» является составной частью цикла «Мегиддо». Этот цикл примечателен прежде всего тем, что в него вошли как интерактивные, так и обычные художественные произведения. Начало серии было положено в 2010 году, с выходом книги-игры «Стеклянная личина». В цикл также входят небольшой роман «Мегиддо» и рассказ «О власти».

Все произведения цикла сюжетно связаны. Так, действие «Фона» разворачивается спустя более чем пятьсот лет после событий, описанных в «Мегиддо» и рассказе «О власти», а «Стеклянная личина» знакомит нас с реалиями мира, в котором происходит действие всей серии. Как следует из названия, общей точкой для всех произведений служит Мегиддо — первоначально разрушенный, населённый изгоями общества город на восточной окраине королевства. Вселенная цикла — это альтернативный мир, чьё технологическое развитие примерно соответствует уровню нашего позднего Средневековья (в случае «Стеклянной личины» и «Мегиддо») и промышленной революции рубежа XVIII-XIX веков (для «Фона»). Здесь нет магии или других сверхъестественных сил, хотя и существует могущественная каста священников. Однако они не напоминают языческих или христианских служителей культа, а являются светским научным собранием, которое ревностно охраняет самые передовые технические знания, сохранившиеся в многочисленных книгах таинственных Древних — общих предков всех народов, населяющих Континент.

Введение

Перед вами книга-игра. Что это означает? Когда вы будете её читать, то возьмёте на себя двойную роль: вы будете героем и читателем одновременно. История будет складываться по-разному в зависимости от принятых вами решений. Чтобы понять, как играть, прочитайте нижеприведённые инструкции.

Правила просты, и следовать им не составит труда. Вам понадобится только лист бумаги и ручка, и это единственные «системные требования» (не считая свободного времени, конечно). Книга разделена на главы, а они, в свою очередь, — на отдельные параграфы. Не нужно читать их по порядку! В каждом параграфе вы найдёте одну или несколько ссылок на другие параграфы. Когда вы принимаете решение и выбираете свой путь, то переходите на параграф с нужным номером.

В этой книге-игре вы станете художником, живущим в городе Батер на самой окраине некогда могущественной Империи. Во время игры вы встретите отметки вида «Ключ 1», «Ключ 2». Записывайте их на Лист персонажа, так как доступ к некоторым параграфам зависит от их наличия или отсутствия. Собирать все Ключи не нужно, да это и невозможно, потому что некоторые из них относятся к взаимоисключающим сюжетным путям.

Как видите, правила очень просты. Если вы готовы принять вызов, перейдите на параграф 1 Главы 1. Удачи!

Лист персонажа

Ключи

1 ❑
2 ❑
3 ❑
4 ❑
5 ❑
6 ❑
7 ❑
8 ❑
9 ❑
10 ❑
11 ❑
12 ❑
13 ❑
14 ❑
15 ❑
16 ❑
17 ❑
18 ❑
19 ❑
20 ❑
21 ❑

Глава 1
Увлечённый

1

Три дня назад вам исполнилось тридцать шесть, и надо признать, вы немногого достигли. Да, как художник, вы можете похвалиться некоторой известностью, но уж точно не снискали славы заслуженного мастера. Вы хорошо рисуете и неплохо живёте, как и многие люди этого ремесла до вас. Несмотря на необычность своей профессии, вы всё же чувствуете себя «одним из сотен других». Осознание собственной заурядности годами не даёт вам спокойно спать.

В этот осенний полдень вы сидите на довольно высокой стене с альбомом для зарисовок, пристально наблюдая за зрелищем, которое разворачивается прямо под вами. В нетерпении вы смотрите вниз. Плотная толпа заполняет почти каждый метр овальной, мощёной площади, широчайшей в промышленном Батере — самом восточном городе королевства. Люди толпятся вдоль узкого проезда, от которого их отделяет кордон городской стражи, вооружённой длинными, металлическими прутами. Воины жёстко напирают на толпу зевак, расчищая путь для приближающейся свиты. На могучем белом коне гордо восседает сын короля в парадном облачении. Время от времени он наклоняется к сумкам, притороченным по обе стороны седла, зачерпывает горсть золотых монет и швыряет их то в одну, то в другую сторону на радость толпе. Спереди и сзади едут четвёрки гвардейцев из личной охраны, их ладони сжимают рукоятки револьверов. Один из тех, кто за спиной наследника престола, только что выхватил оружие, вызвав волну встревоженного ропота. Все оглядываются в поисках того, что же вызвало подозрения у телохранителя. Забавно наблюдать, как целое море людей крутит головами из стороны в сторону. Затем ваш взгляд, как и всех остальных, приковывает плавное движение руки гвардейца. Он взводит

курок револьвера, прицеливается и стреляет, повторяя операцию дважды, прежде чем на него обрушивается бешеный град пуль разъярённых сотоварищей. Вы думаете, что для умирающего убийцы боль уже не имеет значения — его выстрелы достигли цели, а на безупречно белом наряде наследника престола проступили кровавые пятна. Тело дофина сотрясает дрожь, а затем оно бессильно сползает на мостовую. Напуганный белый конь бросается вперёд, лишь усугубляя воцарившийся хаос. Вы прячете альбом и спрыгиваете со стены, одержимый одной мыслью, которую наверняка разделяет большинство присутствующих — что теперь? Что будет, если единственный наследник короля не переживёт это покушение? Престарелый отец уже не породит другого сына, а правящая семья слаба, изнурена многолетними конфликтами. Вы продвигаетесь вперёд и уже задумываетесь о картине, которую хотите создать.

Внезапно в гуще разбегающихся во все стороны людей вы замечаете высокую женщину, которую грубо хватает один из стражников. Незнакомка оборачивается, взгляды встречаются, и вы понимаете, что уже каким-то образом оказались замешанным в это дело. Вы перестали быть сторонним наблюдателем. В её строгом взгляде явно читается просьба вмешаться (29). Однако желание помочь идёт вразрез со здравым смыслом, который подсказывает как можно скорее покинуть это место (42). Вы быстро принимаете правильное на ваш взгляд решение.

2

Ключ 5

Вы пытаетесь прорваться к трибуне, но вас отпугивает угрожающий ропот толпы. Рабочие выказывают открытую неприязнь и от угроз могут в любой момент перейти к рукоприкладству. Необходимо как можно скорее покинуть этот район. В отличие от вас Омель здесь в полной безопасности. Вам почти удаётся вырваться из удушающих объятий толпы, когда вы замечаете пле-

мянника далеко позади. Он обнимает женщину, в которой вы узнаёте незнакомку, встрявшую в историю на площади после покушения на королевского сына. Пара исчезает за углом, а вокруг снова смыкаются волны толпы. Когда удаётся вырваться из этого омута, вы сразу же бросаетесь к переулку, где исчез ваш племянник. Пусто.

Вы отправляетесь прочь как побеждённый, гадая, что скажет сестра об этом провале. По крайней мере вы получили любопытные сведения, однако доставлять неприятности племяннику не хочется. Вы скажете матери юноши, что просто не нашли его, вот и всё (70).

3

— В таком случае я приглашаю вас прийти в рабочий квартал. Если не побоитесь, конечно. Площадь Металлургов. В восемь часов там состоится митинг технократов.

Вы стараетесь скрыть свои чувства и спокойно отвечаете:

— Я подумаю об этом.

— А я в любом случае собираюсь провести вечер именно там. До свидания, сударь.

Вы прощаетесь с незнакомкой и сразу же отправляетесь домой. Если предстоит заглянуть в самое сердце рабочего квартала, то вам стоит переодеться во что-нибудь менее заметное. Вас начинают одолевать дурные предчувствия. Как заводские рабочие воспримут слова известных своим богатством технократов? Вы опасаетесь, что сестра окажется права. Сегодня вечером Омелю, да и вам, действительно может грозить серьёзная беда (38).

4

— Вы очень низко оцениваете своего племянника. Он не такой наивный, как вы думаете. Да, он мне сразу понравился и как человек, и как мужчина, но я не пыталась затащить его в постель. Вообще-то я изо всех сил старалась сохранить дистанцию.

— Похоже, ваши усилия не увенчались успехом.

— Не издевайтесь, пожалуйста. Грядут перемены, а нас, технократов вскоре ждут серьёзные испытания. Люди искренне ненавидят нас, так что это будет либо славный поход к вершинам власти, либо полное истребление. На самом деле я бы предпочла, чтобы Омель не развивал бурную деятельность. Даже если он когда-то следовал за технократами из-за меня, то теперь он в первую очередь думает об общем деле. Предложи я ему выбор между фракцией и отношениями, я бы вполне возможно осталась одна.

— Кажется, вы начинаете понимать.

— Что именно?

— Чего вы в итоге добились. Вы втравили Омеля в это дело, и теперь он прыгает выше головы. Даже я понимаю, что происходит. Если вы не получите власть законным путём, то попробуете взять её силой. Оратор на митинге — куда ни шло, но я не смогу принять племянника в роли бунтаря с револьвером, палящего по городской страже или регулярной армии.

— Вы просто не понимаете...

— Интересно, вы правда не видите, к чему идёт ваша игра или не хотите признавать очевидное?

— Почему вам так трудно смириться с тем, что мы правы?

— Вы хотите вернуть диктатуру священников.

— А вы думаете, что сейчас в нашей стране всё прекрасно?

— Нет, я вижу все проблемы, о которых вы кричите с трибун. Королевская власть слаба, это общеизвестный факт. Но больного лечат, а не убивают, чтобы заменить его тем, кто кажется здоровым.

— Иногда лучшее, что можно сделать — это избавить больного от страданий.

— Я вижу, что мы не придём к согласию, — мрачно замечаете вы (36).

5

Ключ 2

Вы идёте прямо к себе и в какой-то момент краем глаза замечаете ту самую женщину, которой помогли раньше. Однако когда вы оглядываетесь и пытаетесь её рассмотреть, она растворяется в толпе. А может, она вовсе и не следила за вами? Сейчас вы не хотите думать об этом — и так корите себя за то, что ввязались не в своё дело. В наши дни помощь незнакомцам может быть столь же опасна, как ночная прогулка по рабочим кварталам. Вы ускоряете шаг, пристально наблюдая за тем, как волны паники захлёстывают город (54).

6

Вы ищете кого-нибудь, кто не занят разговором и выглядит не очень угрожающе. Наконец намечаете подходящего кандидата и вежливо спрашиваете:

— Простите, пожалуйста, не могли бы вы мне кое-что объяснить?

Рослый мужчина окидывает вас не слишком благосклонным взглядом и коротко бросает:

— Спрашивай.

— Благодарю. Почему технократы обращаются к вам, рабочим? Ведь в прошлом священники, которых они поддерживают, использовали таких, как вы, на самых тяжёлых работах.

— «Такие, как мы» — это нормальные люди, которые усердно трудятся, чтобы прокормить свои семьи. А сейчас нас просто используют. И что, это кого-то волнует? Нет! Ты говоришь, священники сто или двести лет назад эксплуатировали людей. И что с того? Я однажды слышал, как один технократ читал рабочим записи из исторической хроники об этом «ужасном рабском труде» на благо священников. Ну, я бы хотел, чтобы меня сейчас так эксплуатировали! У нас была работа, нам за неё платили, мы прилично питались, а жили в тех же кварталах, что и сейчас, только бесплатно! О, тихо! Посмотри на трибуну. Сейчас будет говорить один великий юноша. Очень мудрый человек (56)!

7

Вы задаётесь вопросом, где бы мог проходить митинг технократов, но никакое конкретное место на ум не приходит. Конечно же, речь не идёт о главной городской площади — даже будучи заклятыми противниками правящей династии, технократы не осмелятся выступать там, где несколько часов назад расстреляли наследника престола. Большинство считает, что именно они стояли за покушением. Тем не менее, возможно, стоит дойти до окрестностей площади, ведь там находится принадлежащая фракции контора по сбору и распространению сведений (66). Если, конечно, она открыта, в чём вы, честно говоря, сомневаетесь. Ещё можно поискать плакаты, извещающие о предстоящей сходке (69). В этом году вы уже видели несколько подобных объявлений. Что бы вы ни решили, всё лучше, чем стоять посреди улицы и предаваться пустым раздумьям. Время поджимает, пора действовать!

8

— Азуа... — потеряно бормочет Омель.

— Ей уже не помочь. Мы уходим!

Вы забрасываете всё ещё истекающего кровью племянника за спину и направляетесь к чёрному ходу. Выбегаете на улицу и от всей души благодарите стражников за глупость: они не догадались окружить здание. Юноша слабеет каждую минуту, но всё же успевает прошептать вам на ухо какой-то адрес, добавив, что речь идёт о рабочем квартале (72).

9

К счастью, ваши опасения не оправдываются. Молодой организм довольно быстро оправляется от ранения, и через полдня юноша приходит в сознание. Он всё ещё очень слаб, но это пройдёт. Вы видите, что дежурство у постели уже не нужно и направляетесь к выходу. Азуа провожает вас и говорит на прощание:

— Спасибо, что были с нами так долго.

— Не за что, он же мой племянник. В любом случае, что вы собираетесь делать дальше?

— Подождать несколько дней и уехать.

Вы киваете, ничем не выдавая своих мыслей. Вы не любите, когда кто-то вмешивается в вашу жизнь, поэтому и другим мешать не собираетесь. Похоже, последние события стали своеобразным испытанием для влюблённой пары. Если они по-прежнему хотят быть вместе, то, видимо, у этих странных отношений есть шанс на успех. Вы прощаетесь с Омелем и возвращаетесь домой. В конце концов, вам предстоит написать очень важную картину (39)!

10

— Согласна. Хотя разумная доля подозрительности мне даже нравится.

— Правда?

— Да. Недостаток бдительности сгубил эту страну.

— Полагаю, сегодняшние выстрелы пробудят её.

— Так и есть! Но что будет дальше?

— Не знаю, я плохо разбираюсь в политике. Может, иногда что-то услышу или прочитаю в газете. В последнее время все твердят о технократах.

— Это самая сильная оппозиционная партия со времён превращения Империи в королевство. А что вы о них думаете?

— Они просто рвутся к власти, как и все остальные (71).

— Всё, что я слышал — только сплетни, а этого недостаточно, чтобы составить собственное мнение (3).

— Я слышал о них много хорошего (14).

11

— Я разберусь с этим, а ты возвращайся к себе. Ты выглядишь ужасно!

Вы нехотя благодарите сестру за помощь в освобождении из-под ареста и отправляетесь домой. На каждом шагу видны последствия подавления рабочей манифестации: следы от пуль на стенах, лужи крови на мостовой, тела раненых или даже убитых демонстрантов. Когда вы наконец добираетесь до дома, то никак не можете успокоиться и судорожно сжимаете дрожащие руки. Вы никогда не забудете эту ночь...

На следующий день вас навещает Азуа, благодарит за помощь и объявляет, что ей придётся на время покинуть город. Она также просит вас поговорить с Омелем с глазу на глаз, передать ему привет и объяснить, что им пока придётся расстаться. Их пути обязательно пересекутся, но сейчас все технократы должны сосредоточиться на деле.

— В такие времена чувства должны отойти на второй план, — пафосно заявляет женщина.

Вы со своей стороны считаете, что технократка может катиться на все четыре стороны, раз уж ей не хватает смелости лично поговорить со своим любовником. Азуа ненадолго останавливается на пороге и замечает:

— Забавно. Я мечтаю свергнуть королевскую власть и спасти страну, но у меня нет сил взглянуть в доверчивые глаза этого юноши и сказать ему, что всё кончено.

— Счастливого пути, — бросаете вы вслед уходящей женщине.

Наконец-то вы избавлены от необходимости заниматься чужими делами. По крайней мере, отчасти (39).

12

Вы стоите у въезда в поместье сестры. Двухэтажный особняк на окраине города окружён небольшим парком. Высокие железные ворота с декоративным позолоченным колоколом отделяют его от окрестных улиц. Омель хватает цепь и несколько раз энергично дёргает за неё. Он спрашивает:

— Ты зайдёшь?

— Похоже, ты хочешь знать, доложу ли я матери о том, что видел?

— Так и есть. Я совру ей, скажу, что провёл вечер с друзьями.

— А я нашёл тебя в какой-то таверне.

— Да, точно.

— Это твоя жизнь. Я не собираюсь доставлять тебе лишние хлопоты, но и лгать не стану. Я иду домой, а ты рассказывай матери всё, что хочешь (40).

— Прости, но дело слишком серьёзное, и я молчать не буду. Впрочем, если ты действительно веришь в курс технократов, то не стоит скрывать свои убеждения от матери (46).

13

Целый день юноша борется за свою жизнь. В конце концов молодой организм, пусть и с большим трудом, побеждает подкравшуюся смерть. После относительно спокойной ночи племянник достаточно окреп, чтобы вы рискнули перенести его в материнский дом.

С огромной ношей на плечах вы идёте по разрушенным улицам, полным людей, которые пытаются устранить последствия беспорядков. Когда вы доходите до особняка сестры, несчастная женщина при виде сына падает в обморок.

Следующие пару дней Омель проводит под бдительным присмотром нанятых матерью врачей и потихоньку выздоравливает. Вы ни с кем не делитесь своими соображениями, но уже знаете: юноша восстановится физически, однако страшный шрам на годы останется в его душе. Похоже, Азуа была истинной первой любовью молодого технократа, и теперь он впал в полную апатию, становясь безвольной марионеткой в заботливых руках своей матери (39).

14

Ключ 3

— Слухи бывают ложными. Если хотите опираться на факты, то я приглашаю вас в рабочий квартал. Сегодня, в восемь часов, на площади Металлургов состоится митинг технократов. Вы придёте?

— Да, — отвечаете вы не задумываясь.

— Тогда буду ждать нашей встречи. Увидимся вечером.

Женщина лучезарно улыбается на прощание и исчезает в толпе. Вы довольны беседой и отправляетесь домой. Если митинг состоится в рабочем квартале, то нужно переодеться. Технократы выбрали довольно странное место для сходки, но, наверное, в этом есть какой-то практический смысл. К сожалению, для вас с Омелем визит в такой район не сулит ничего хорошего. Находиться там опасно,

особенно для сына крупной фабрикантши, которую многие ненавидят за скаредность (38).

15

Вы немедленно впускаете внутрь бледного как смерть Омеля. Он поддерживает окровавленную женщину, в которой вы узнаёте ту самую возмутительницу спокойствия, которая объявилась на площади сразу после покушения на дофина. Юноша получил пулю в плечо, а его спутница пострадала ещё больше. Когда она поворачивается, вы замечаете три кровавых пятна на полотняном платье возле левой лопатки. Несколько сбивчиво она произносит:

— Рабочих слишком захватил дух восстания... Они вышли на улицы... Стража...

Она замолкает на полуслове и с грохотом падает на пол. Ведомый смутным предчувствием, вы запираете дверь буквально за мгновение до того, как кто-то пытается её открыть. Снаружи раздаётся властный крик:

— Городская стража, отпирайте! В этом доме скрываются бунтовщики! Открывай, или мы вышибем дверь!

Вы с ужасом смотрите то на потерявшую сознание женщину, то на судорожно дрожащего племянника. Его всё ещё можно спасти, хотя вы не уверены, стоит ли рассчитывать на снисходительность стражников, если вы впустите их (64). Возможно, настал час обратиться к приспешникам юноши — технократам (8). Вы принимаете окончательное решение под аккомпанемент яростных ударов прикладами в дверь.

16

Вы неуклюже бежите к выходу с площади. Почти сразу вас охватывает смущение. Напоминаете себе какого-то сопляка, стянувшего печенье из лавки. Кроме того, кажется, будто все смотрят на вас. Неприметное лицо в толпе стало видимым, и сразу ожили старые страхи — те самые, из-за которых вы несколько лет назад отрезали себя от внешнего мира, покрывая холсты тревожными пейзажами сгоревших руин. Вы знаете, что стражник не преследует вас, но иррациональное чувство опасности заставляет кружить по городу (34), вместо того, чтобы вернуться прямиком в свою мастерскую (5).

17

Вы без особых препятствий возвращаетесь домой, где сразу же засыпаете. Сегодняшняя ночь в Батере проходит спокойно, хотя, возможно, это всего лишь затишье перед надвигающейся бурей. Утром вы возвращаетесь к работе над картиной и трудитесь до полудня, когда неожиданный визит сестры вновь прерывает ваше вдохновение. На этот раз она выглядит смущённой и с порога говорит извиняющимся тоном:

— Прости меня за вчерашнюю сцену. Омель вернулся сразу после полуночи и всё мне объяснил. Те самые памфлеты были лишь попыткой привлечь моё внимание. В последние дни я уделяла ему так мало времени. Фабричные дела оказались важнее единственного сына... Какой позор!

— Значит, он не ходил вчера на митинг?

— Конечно нет! Он провёл вечер с друзьями. Судя по запаху, немножко перебрал с вином, но я оставила мальчика в покое. Надеюсь, ты не потратил слишком много времени на напрасные поиски?

— Для тебя время всегда найдётся.

— Ещё раз спасибо, дорогой. Я ухожу, а ты возвращайся к работе. Я знаю это твоё выражение лица, брат. Ты наверняка задумал что-то особенное!

— Предположим. В любом случае, я рад, что Омель в порядке. Особенно если учесть, что...

-...парень влез в опасную игру. Он соврал тебе. Вчерашний вечер Омель провёл в рабочем квартале. Я своими ушами слышал его пламенную антиправительственную речь. Как мать, ты должна знать правду — он технократ (21).

-...вчерашний день мог и вправду закончиться бедой. Хорошо, что он отдыхал с приятелями, а не бродил по опасным улицам (24).

18

Ключ 9

Вам не удаётся пройти вглубь рабочего квартала, где каждый переулок забит восторженной толпой до отказа. Кажется, что все жители, ведомые каким-то предчувствием, решили одновременно выйти из домов. Повсюду ощущается нервное ожидание. Где-то вдали слышны бурные овации. Люди во весь голос скандируют лозунги. Слова некого оратора (возможно, Омеля) передаются из уст в уста. Какой-то человек рядом с вами решительно произносит:

— Они призывают действовать.

С каждой минутой волнующая атмосфера всё больше захватывает вас, и вдруг раздаётся какой-то клич, на который отвечают со всех сторон. Вы не понимаете, что происходит, а тем временем волны толпы, подобно стремительному течению реки, влекут вас к «богатым» кварталам. Вы с ужасом обнаруживаете, что в руках идущих рядом людей внезапно появились вырванные откуда-то доски, молотки, палки, булыжники и бутылки с отбитым горлом. С четверть часа вы в полуобморочном состоянии идёте вперёд, зажатый в центре плотной группы кричащих людей. Внезапно

раздаётся залп из десятка стволов, и крики на мгновение стихают. Какой-то человек падает на мостовую совсем рядом, зажимая окровавленной рукой простреленную шею. Ведомый слепым инстинктом, вы бросаетесь бежать вместе с остальными.

Непонятно как вы снова оказались в почти опустевшем рабочем квартале. Проходите мимо плачущей женщины, которая бормочет:

— Всё не так! Не так! Он говорил, мы должны писать петиции и достучаться до власти. С помощью петиций, петиций...

Ключ 5 — 73

Нет ключа — 74

19

Вы молча покидаете рабочий квартал и, лишь пройдя ещё несколько улиц, осторожно заводите разговор:

— Как самочувствие после выступления? Ты достучался до этих людей, говорил как заправский оратор.

— Тут не нужен большой ораторский талант. Речь идёт об истине, которую скрывает правящая клика, а эти простые люди чувствуют правду. Технократия — лучший путь для всех, и неважно, обитаешь ли ты во дворце или в угольном подвале.

— Может, ты и прав, кто знает. Я художник и не ввязываюсь в политику.

— Раньше я тоже не вникал, но потом изучил доктрину технократов и понял, что они борются за правду и справедливость.

— У тебя хороший наставник, — осторожно замечаете вы.

— Так и есть. Азуа посвятила меня во многие политические вопросы. Она заставила меня понять, что нужно действовать.

— Выходит, ты расширил свой кругозор.

— Нет же! Она указала мне цель. Новые горизонты — это жалкая, утопическая чушь, придуманная для скованных страхом и бессилием масс, — племянник декламирует заученные фразы. — Широкий кругозор означает, что человек озирается во все стороны, теряет время и бродит с места на место как пьянчуга. Напротив, если упорно стремиться к единой, строго определённой цели, то мы рванёмся вперёд с точностью пули, нацеленной в сердце врага.

— Больше похоже на скачок зашоренной лошади (58).

— Очень уж воинственная риторика (35).

20

Вы спрашиваете себя, куда бы молодой сторонник технократов мог отправиться в такой день. Самым вероятным местом кажется контора фракции в окрестностях злополучной площади (51). Однако вы совсем не уверены, что сегодня там удастся кого-то застать, а также сообщат ли «постороннему» информацию о запланированном митинге. Всё-таки члены этого общества открыто говорили о своей ненависти к королевской семье, и для многих из них сегодняшнее убийство — скорее повод для торжества, чем тревоги. А это, в свою очередь, могло спровоцировать некоторых ревностных монархистов на ответные действия. Кто знает, может, они громят контору технократов прямо сейчас? Можно поискать плакаты, извещающие о запланированной сходке, но, насколько вам известно, они не висят на каждом углу (25). Обычно только сами технократы и их сторонники знают, где искать новые объявления об очередном митинге. Кстати, именно на эту приманку «тайной» организации клюнули многие молодые активисты, вроде вашего племянника. Возможно, к тому времени, как вы найдёте афиши, собрание закончится, если его ещё раньше не разгонит разъяренная толпа. Вы раздражённо кусаете губы, зная, что не можете позволить себе роскошь спокойных раздумий. Действовать нужно немедленно.

21

Ключ 7

— Но... Это же... — сестра на миг бледнеет, а затем её лицо заливает краска. — Это скандал! О, спасибо за честность, милый брат. Так больше не может продолжаться! Неблагодарный мальчишка ответит за свою ложь! Я не прощу его, не прощу!

Собеседница уходит не попрощавшись, зато хлопнув дверью. Вы только что втравили племянника в серьёзные неприятности, однако думаете, что случившееся всё-таки пойдёт ему на пользу. Лучше уж встретиться лицом к лицу с рассерженной матерью, чем с буйной толпой или городской стражей. А если он действительно верит в дело технократов, то пусть воспринимает ожесточённое сопротивление дома как испытание на прочность. В любом случае на какое-то время вы заимели смертельного врага (49).

22

Одиночество длится недолго: вскоре в карцере оказывается и Азуа. Стражник грубо вталкивает её в каморку, и женщина с размаху ударяется о дальнюю стену. Тем не менее, она твёрдо стоит на ногах, хранит гордое молчание и вызывающе смотрит на своего мучителя, который с грохотом захлопывает дверь. Только тогда женщина замечает ваше присутствие и, всплеснув руками, радостно говорит:

— Мы снова встретились!

— Похоже, меня преследуют неудачи.

— Как скажете. Однако мы оба желаем добра Омелю, и ссориться нам незачем.

— Я и не собираюсь спорить. Просто меня раздражает, что я оказался замешанным во всё это дело против своей воли.

— Не всегда получается оставаться наблюдателем. Омель решил действовать, и вы можете им гордиться.

— Извините за прямоту, но вся жертвенность мальчишки объясняется очень просто. Его интересует вовсе не курс технократов, а интимное знакомство с вами (33).

— Зачем вы втянули его в это дело? Неужели причина в моей сестре? Хотите, чтобы о вас узнали все благодаря этой скандальной связи (41)?

23

— Уверяю вас, далеко не многие поступили бы так, как вы, особенно в такой день.

— Я согласен в том, что эти несколько минут из жизни нас, глубоких провинциалов, явно изменят всё королевство.

— Надеюсь, изменят к лучшему, — решительно отвечает собеседница.

— Стражник не ранил вас?

— К счастью, нет. Благодаря вашему вмешательству.

— Хорошо. Могу я узнать о причине той стычки?

— Я крикнула кое-что, и ему это не понравилось.

— Вот как.

— В любом случае, ещё раз спасибо за помощь. В наше время мало по-настоящему смелых людей. А что вы думаете о технократах? — неожиданно спрашивает женщина.

— Они просто рвутся к власти, как и остальные фракции. Единственное их отличие — в организации. Думаю, они создают что-то вроде элитной касты (71).

— Боюсь, я слишком мало знаю об этих людях. Всё, что я слышал — только сплетни, а этого недостаточно, чтобы составить собственное мнение (3).

24

— Ты прав. В любом случае спасибо тебе ещё раз. Я уже ухожу. Работай спокойно и обязательно сообщи, когда всё будет готово. Уже нашёл место в галерее?

— Я ещё даже толком не приступал к рисованию.

— Что бы ты без меня делал, несчастный? Искусство или бизнес — везде действуют одни и те же правила. Впрочем, не беспокойся: я как всегда обо всём позабочусь. Просто скажи мне, когда картина будет готова.

— Что ж, спасибо. Как всегда, — отвечаете вы с ноткой иронии.

Не похоже, что собеседница уловила вашу колкость, а может, просто решила не реагировать. Она прощается и, пожелав удачи, уходит. Вы можете вернуться к работе, что с радостью и делаете (27).

25

Вы постепенно продвигаетесь вглубь города, по пути заглядывая в узкие улочки, сомнительные подворотни и первые попавшиеся кабаки. К сожалению, ваши изнурительные поиски безрезультатны. Когда вы направляетесь к последнему неизученному району, уже темнеет. Населённые в основном рабочими съёмные хаты выглядят ужасно. Это беднейшая часть Батера, и с каждым годом она всё больше увязает в нищете. Вы не собираетесь оставаться здесь ни одной лишней минуты и в действительности не ожидаете найти ничего, кроме неприятностей. Вы машинально осматриваете местность и в изумлении замираете, обнаружив на кирпичной стене какой-то лачуги афишу технократов. Удивление только возрастает, когда вы видите упоминание о запланированном месте встречи. Сходка состоится здесь, на площади Металлургов, в самом сердце рабочего квартала. И начнётся она совсем скоро. Не желая терять драгоценное время, вы отправляетесь на поиски племянника (30).

26

Проходит целый день, прежде чем вы обретаете свободу. Стражники ведут себя очень любезно, и вы понимаете, что сестра в очередной раз потянула за нужные ниточки. Однако даже её связи не смогут защитить от скандала, который женщина, по всей видимости, считает чем-то в сто раз хуже смерти. По Батеру распространяется сенсационная новость: сразу после бунта ненаглядный сын вашей сестры сбежал из города вместе с женщиной, намного старше его самого. В довершение всех бед спутница оказалась технократкой. Вы улыбаетесь про себя, думая о привыкшей к беспрекословному подчинению сестре, которая внезапно обнаружила, что она не всесильна. Омель предпочёл тепло женских объятий холодному тону материнских увещеваний.

Мысли о семействе не слишком долго занимают ваше внимание — вы поглощены кропотливой работой над создаваемой картиной (39).

27

Ключ 8

Вы рисуете пять часов без передышки, наконец придавая своим видениям определённую форму. Вы довольны и усаживаетесь перед мольбертом, обдумывая, какие цвета подойдут, чтобы лучше передать драматизм сцены. Раздумья прерывает неожиданный визит Омеля. Юноша извиняется за беспокойство и торжественно говорит:

— Вечером состоится очередной митинг. Дядя, ты не хочешь пойти со мной? Правда, сегодня я не выступаю, зато будет кое-кто из столицы.

— Не знаю, я готовлюсь к созданию новой картины. Как тебе эскиз?

— Выглядит интересно. Тут изображается покушение, и всё же королевский сын далеко не на первом плане.

— Здесь главный герой — общество. Каждый ряд зевак я изображу несколько иначе.

— А что скажешь о моём предложении?

— Если честно, оно меня не очень интересует.

— Знаю, но ты ведь можешь и передумать. Акция состоится в десять часов, там же, где и вчера.

— Что ты скажешь матери на сей раз?

— Что-нибудь придумаю.

— Ну, смотри сам.

— В любом случае, милости просим.

Племянник уходит, оставляя вас в растерянности. Сегодня у вас нет ни малейшего желания куда-то идти, особенно на сходку технократов, а с другой стороны, вы вроде как должны позаботиться о безопасности члена семьи. Вы поглядываете на эскиз, думая, что не стоит торопиться с решением. Пока есть дела поважнее (49).

28

Тюрьма, расположенная на самом верху трёхэтажного штаба, забита под завязку. Десятки глаз следят за вами из-за решётки, и гневные крики только усиливаются, когда вместо переполненной общей камеры вы попадаете в тесный карцер с кирпичными стенами и массивной деревянной дверью. В ней имеется небольшое окошко и люк для подачи еды. Единственный источник света — это небольшой оконный просвет, забранный решёткой и расположенный приблизительно в трёх метрах от пола. К сожалению, он вне досягаемости. Перед тем, как бросить вас в эту тесную каморку, конвоир предупреждает своего напарника, сидящего за столом в нескольких метрах:

— Это политический. Не вздумай заговорить с ним!

Ключ 10 — 22

Ключ 21 — 26

Нет ключей — 52

29

Вы пробираетесь к борющимся и с силой отталкиваете удивлённого стражника. Тот теряет равновесие и больно ударяется о камни мостовой. Темноволосая женщина лучезарно улыбается, исчезая в толпе. Сбитый с ног страж порядка изрыгает некое подобие яростного рёва и орёт во всю глотку:

— Стоять, сволота!

Вы чувствуете, как вас охватывает страх. Возможно, стоит объяснить ему свой поступок (37) или лучше броситься наутёк (16)? Теперь уже оба решения кажутся одинаково плохими, но это, увы, не отменяет необходимости что-то предпринять.

30

Ключ 4

Маленькая площадь заполнена до краёв. Вы с радостью понимаете, что царящая здесь атмосфера выдаёт скорее волнение, чем недовольство публики. Жаль, что не удалось переодеться во что-то более подходящее. Ваша элегантная одежда явно раздражает рабочих. Вновь и вновь за спиной звучат резкие замечания, а люди неохотно расступаются, пока вы пробираетесь сквозь толпу в поисках племянника. Шансов протиснуться к трибуне нет, а ведь именно там может стоять ваш юноша. Смирившись с этим, вы оглядываетесь, но встречаете только гневные и презрительные взгляды. Внезапно

в голову приходит мрачная мысль — вовсе не Омель подвергается опасности в этот вечер (56).

31

Вы всерьёз задумываетесь о том, чтобы посетить рабочий квартал. Несмотря на то, что вы сказали племяннику, ситуация начинает понемногу вызывать ваш интерес. Разумеется, привлекательна не сама политика, а скорее атмосфера не совсем законных митингов с пламенными речами. Это была бы отличная тема для картины, хотя вы, конечно, не можете или, лучше сказать, не хотите её использовать. Вас сразу обвинят в симпатиях к «подрывной» деятельности, а вы не намерены открыто выступать ни за одну из сторон. Нужно сохранять нейтралитет до тех пор, пока позволяют условия, что, впрочем, не означает отказа от участия в сегодняшнем митинге. Можно ненадолго заглянуть в рабочий квартал и сразу уйти, если почувствуете угрозу (18). С другой стороны, перспектива домашнего отдыха выглядит соблазнительно, а рисковать лишний раз вы не любите (60). Размышляя, вы приносите из погреба небольшую бутылку вина. Она поможет несколько прояснить мысли перед тем, как принять решение.

32

Вы изо всех сил пытаетесь вырваться из объятий толпы и пробиться в ту сторону, куда только что ушёл Омель. Следуя за ним на одну из пустынных улочек, вы надеетесь, что после выступления молодой человек просто вернётся домой. Вы почти вбегаете в переулок и застаёте племянника за беседой с какой-то женщиной. Её лицо кажется смутно знакомым. Внезапно вы вспоминаете обстоятельства, при которых встретили её. Именно эту женщину

преследовала городская стража вскоре после покушения. В этот момент собеседники умолкают и с подозрением смотрят на вас.

— Дядя! Что ты здесь делаешь? — спрашивает встревоженный юноша. — Тебя мать прислала?

— Да, — спокойно отвечаете вы. — Она волнуется за тебя.

Ключ 2 — 68

Нет ключа — 65

33

— Наши отношения здесь ни при чём. Мы случайно встретились на собрании, и вы не сможете обвинить меня в том, что я заманила Омеля в ловушку.

— Но ведь вполне естественно, что он решил поучаствовать в вашем деле. Он молод и хочет произвести на вас впечатление.

— Возможно. Однако мои намерения чисты.

— На мой взгляд, всё выглядит иначе. Вам очень выгодна эта связь. Омель обеспечивает вам привилегированное положение в среде технократов и, полагаю, удовлетворяет и другие потребности.

— Да, у нас роман. Не думаю, что в этом есть что-то постыдное. Ещё раз повторю: я не считаю его пешкой в своей игре. Мы оба верим в курс технократов и трудимся ради общего блага.

— А я думаю, что вы ни за что не откажетесь от молодого любовника и столь одарённого оратора. Он нравится вам как мужчина и позволяет занимать видное место среди технократов. Сплошные плюсы (4).

— Я уже говорил: к сожалению, меня впутали в это дело. Кто знает, может, вы и не лжёте. Сложно сказать, ведь мы с вами не знакомы. Всё, что я хочу — это мирная жизнь. Племяннику я желаю того же (57).

34

Ключ 1

Время от времени вы оглядываетесь, опасаясь слежки. Вы с недоверием посматриваете и на проходящих мимо стражников, которые заполонили все улицы. По сути, им можно даже посочувствовать, ведь теперь их ждут тяжёлые дни. Кто знает, дело может дойти и до крупных беспорядков. Вот уже несколько лет фракция технократов набирает всё большую популярность в Батере и по всей стране. Вы решаете побродить ещё немного и в глубине души надеетесь, что небольшая прогулка позволит пропитаться атмосферой города, потрясённого покушением. Тогда её можно будет передать в своей следующей картине. В итоге вы долго расхаживаете по улицам, пока не решаете всё же вернуться домой (54).

35

— Мы живём в смутные времена, дядя. Если не биться, то проиграешь.

— Я не воин.

— Но ты художник, а он гораздо важнее, чем воин. Одна твоя картина может отозваться громче, чем каждодневные протесты. Слова и картины — сильное оружие, с них всё и начинается.

— Однако на них, увы, не заканчивается. Часто бывало, что художник невольно разжигал огонь, который поглощал и картины, и его самого.

— Это правда. Но лучше скажи, что ты вообще знаешь о технократах? Факты, а не домыслы.

— Признаюсь честно — почти ничего. В основном то, что узнал от тебя сегодня.

— Самое главное в нашем учении — это гармония. Речь идёт о том, чтобы священники снова стали хранителями знания, а не купцами, сбывающими вверенный им товар.

— Тогда достаточно провести глубокие преобразования в самой касте. Так почему же вместо этого технократы хотят восстановить единовластие первосвященника?

— Потому что только так можно контролировать служителей культа. Имей в виду — лишь малая часть священников поддерживает технократию. Они предпочитают наживаться, продавая хранимые знания. Во времена Империи священные капитулы решали, какие именно идеи и изобретения следует обнародовать в определённое десятилетие.

— И если мне не изменяет память — убивали независимых конструкторов и изобретателей.

— Бунт всегда подавляется кровью, даже сейчас. Но подумай о чудесных преимуществах, которые даёт управляемое развитие техники. Многие годы тысячи мастеров вместе с военными работают над конкретными элементами грандиозных планов. Так было с насосами высокого давления, оружием, транспортом, который работает благодаря человеку, и воздушными шарами. Если бы железную дорогу построили во времена Империи, то рельсы покрыли бы всю страну и соединили бы не только богатые города, но и все местечки и окрестные деревни. И, конечно, вокзалы не принадлежали бы только купцам и магнатам. Они должны служить всем.

— Если у людей будет время путешествовать. Планы священников весьма полезны, не спорю, но их осуществление стоило дорого, а продолжалось долго. Создавая прекрасные условия потомкам, каждое поколение продолжало работать в поте лица с мыслью о детях. Наибольшую выгоду получили только военные.

— Само собой! Древние оставили нам необъятные пласты знаний и при этом предупреждали об угрозе извне, из-за пределов Континента. Значит, у них явно были причины для беспокойства. А что же делает нынешний кесарь? Он лелеет какие-то кощунствен-

ные фантазии о путешествии за границы Континента! Между тем, мы ещё не покорили его целиком!

— Мы владеем большей частью земель, и это не считая пустынь. Разве их мало?

— Слишком мало! Империя покоряла, собирала всё больше сил и средств, а королевство довольствуется доставшимся наследством. Сегодня никто не осмеливается начать войну. Кучка трусов и предателей!

— Давай оставим эту тему, — предлагаете вы, заметив, что племянник всё больше распаляется. — Мы почти пришли.

Вы замолкаете, и последние минуты совместной прогулки проходят в напряжённой тишине (12).

36

Азуа решает не продолжать разговор, и, судя по измученному виду, всё, что нужно женщине сейчас — это глубокий сон. Вы смотрите на спящую технократку и в глубине души признаёте, что её красота вскружила бы голову любому, не говоря уж о молодом человеке без жизненного опыта. У юного Омеля, который пытается любой ценой вырваться из-под опеки матери, просто не было шансов.

Вы проводите в заключении несколько часов, а затем в карцере появляется стражник. Он вежливо извиняется за «допущенную ошибку» и провожает вас к выходу. Связи сестры в очередной раз оказались полезными, и вы встречаете её сразу после освобождения. Мертвенно бледная сестра начинает разговор, а её голос выдаёт страдание.

— Омель уже дома. Доктор сказал, что его рана не... Не смертельна. Он поправится.

— Это хорошая новость.

— Да, но всё остальное... Мне показывали какие-то бумаги, оказывается, за ним следили... Он... Он технократ! К тому же у него роман с какой-то женщиной. А ей за тридцать! Власти не знают, кто она, но их агент видел... Она совратила моего сына, — женщина буквально шипит от ненависти. — Я не хотела втягивать тебя, но ты же понимаешь — семейное дело... Никто посторонний не сможет...

— Конечно. Мы должны сами стирать своё грязное бельё.

— Твой цинизм порой пугает меня.

— Это не цинизм, и ты это знаешь. Я вижу и рисую мир таким, каков он есть.

— Разумеется. Извини, всё это так внезапно... Стражник сказал, что тебя держали в камере с какой-то женщиной. Ты её знаешь?

— Это та самая технократка... Подруга Омеля (47).

— Нет, они просто схватили первую попавшуюся девицу. Надеюсь, её скоро освободят (11).

37

— Я очень сожалею... — неуверенно начинаете вы, глядя на разъярённого стражника, который только что вскочил с мостовой.

— Да чтоб тебя, дурачина! Эта дрянь громко радовалась покушению!

— Но я же не знал. Я видел только попавшую в беду женщину.

— Проклятый рыцарь! И кто ты вообще такой? Родословная, общественное положение?

Сохраняя невозмутимый вид, вы гордо рассказываете о своём происхождении, повергая собеседника в ужас. Ваш отец был не последним человеком в Батере, а старшая сестра управляет полученными от него в наследство текстильными фабриками. Стражник предпочитает не проверять, действительно ли вы тот, за кого себя

выдаёте. Кроме того, сшитые на заказ одежды ясно показывают, что вы не являетесь бедняком, мелким ремесленником или купцом.

— Ладно, служба не ждёт, — мрачно говорит собеседник.

— Удачи, — на ходу бросаете вы, отправляясь своей дорогой.

Вы уходите, раздосадованный тем, что пришлось сослаться на своё происхождение. Вы терпеть не можете таких ситуаций, ведь вас с детства преследует чувство, что эта принадлежность к знати ничем не заслужена. Даже ваш талант к рисованию развивался не спонтанно, а под бдительным присмотром сонма нанятых отцом учителей.

— Довольно! — сердито шипите вы себе под нос.

Вы отбрасываете мысли о прошлом и концентрируетесь на настоящем. Нужно как можно скорее добраться до дома и начать рисовать (54).

38

Небольшая, плохо замощённая площадь до краёв заполнена взбудораженными людьми. Заводские рабочие столпились перед высокой деревянной трибуной, примыкающей к стене одного из кирпичных домов, окружающих площадь. Ваш простой наряд выдержал экзамен — вы не вызываете подозрений, или по крайней мере никто не демонстрирует явную неприязнь к чужаку в этом мрачном, почти рабском мире. Несмотря на все усилия, вы так и не нашли Омеля и уже начинаете сомневаться, что это вообще возможно. Кроме того, вас занимает проблема связей технократов с рабочими. Почему знатные последователи священников ищут поддержку среди городской бедноты? Вас так и тянет спросить об этом кого-нибудь из собравшихся (6). С другой стороны, вы не решаетесь завязать разговор (61). Лучше оставаться просто лицом в толпе, а незнакомец с навязчивыми вопросами, который вдобавок совер-

шенно не вписывается в этот район, может вызвать обоснованные подозрения.

39

Жизнь в Батере постепенно приходит в норму. После насильственных рабочих восстаний, вдохновлённых технократами, власти запретили местную фракцию. Её участники стекаются в другие города или попрятались по домам, дрожа за свою жизнь. Между тем, возмущённые кровавым подавлением недавней демонстрации рабочие объявляют о столь же кровавом возмездии. Общую атмосферу опасности дополнительно подогревают вести из столицы. Отчаявшийся и совершенно сломленный после смерти сына король ищет утешение в постоянных спорах с первосвященником, неформальным лидером технократов. Отовсюду распространяются слухи о том, что кесарь устал от беспорядков в стране, а убийство сына считает последним доказательством краха своей модели правления. Для него это личное поражение. Раздавленный монарх потерял всякую волю к власти.

Тем временем люди с тревогой читают в газетах заголовки, трубящие о растущей поддержке технократов со стороны армии. Военные в свою очередь всё громче твердят о необходимости более радикальных мер и призывают «крепко взяться за штурвал для спасения тонущего корабля Отчизны».

Посреди этого океана растущей социальной и политической напряжённости застыли вы, полностью поглощённый созданием своего шедевра.

Перейдите к Главе 2 («На вольных хлебах»)

40

— Спасибо, дядя.

— Надеюсь только, что этот роман с политикой не доведёт тебя до беды.

— Я буду осторожен.

Направляясь к дому, вы больше не думаете о настоящем и фокусируетесь на проработке замысла будущей картины. Вы не хотите углубляться в нюансы текущей политической ситуации и втайне надеетесь, что история с убийством дофина не сильно повлияет на вашу жизнь и творчество. К сожалению, в глубине души зреет мысль, что эти надежды весьма призрачны. Грядут перемены, и они заставят и вас, и других художников принимать непростые решения. В эти смутные времена талант может легко привести человека и в светский салон, и на виселицу.

Этой ночью вы постоянно просыпаетесь и даже во сне обдумываете детали будущей картины. Когда усталость наконец берёт своё, за окном уже светает. Вы встаёте ближе к полудню и после скромного завтрака охотно приступаете к работе. Творческий труд пойдёт вам на пользу (27).

41

— Вы художник, но не видите картину в целом. Батер — всего лишь приграничный городок. В масштабах страны не важно, получат ли здесь технократы всю полноту власти. Настоящая политическая борьба ведётся в столице. А мы, рядовые члены фракции, просто хотим открыть людям глаза. Я верю в наше дело. Омель верит в него.

— А я не верю в эту благородную борьбу за правду. Может, Омель действительно так думает, но вы-то не производите впечатления наивной женщины. Если технократы победят, то начнут уничтожать политических противников по всей стране. Сторонники, напротив, будут вознаграждены. И тут возникает ваш интерес. Вы хотите во что бы то ни стало протолкнуть Омеля на вершины местной

иерархии. Он обязательно отблагодарит вас, если, конечно, технократы обретут власть.

— Вы думаете, это всё, чего я хочу? Власти?

— Я не знаю ни одного человека, который бы не хотел расширить своё влияние. В том или ином виде.

— Значит, вы попали в компанию, которая достойна сожаления.

— Ну, по крайней мере, это не одержимые ненавистью фанатики, погрязшие в прошлом (36).

42

Вы отворачиваетесь от преследуемой женщины, досадуя на самого себя и собственную нерешительность. Вы покидаете площадь быстрым шагом и грубо расталкиваете прохожих. Образ незнакомки стоит выкинуть из головы или по крайней мере попытаться это сделать. Кто знает, может, она чем-то спровоцировала стражника? В конце концов, он и его товарищи при исполнении и не будут бросаться на людей просто так. И во всяком случае не следует размениваться на то, что вас напрямую не касается. Сейчас вы в первую очередь должны сосредоточиться на живописи. Чем скорее вы запечатлеете сцену покушения на королевского сына, тем лучше. В артистической среде Батера только вы пользуетесь достаточным уважением, чтобы затронуть эту тему без обвинений в паразитировании на трагедии. Однако здесь хватает и молодых, амбициозных художников, которые, возможно, захотят обрести известность благодаря происшествию. Вы не собираетесь никому уступать эту арену — и ускоряете шаг, мысленно рисуя эскиз будущей работы (54).

43

Омель смело оглядывает собрание и многозначительно молчит, дожидаясь, пока установится относительный покой и тишина. Затем, набрав побольше воздуха, он громко и резко объявляет:

— Сегодня мы стоим на распутье! Судьба неожиданно повернулась так, что наш город, самый далёкий от центра страны, стал ареной исторических событий. Из надёжного источника мне стало известно, что сегодняшнее покушение было успешным. Эрцгерцог мёртв!

— Смерть королевству! — громко выкрикивает кто-то из толпы и получает в ответ бурный залп аплодисментов.

Молодой оратор ждёт, пока толпа утихнет, и продолжает прерванную речь:

— Это исторический момент! Скажу больше: я доподлинно знаю и то, что убийца никак не связан с технократами. Если даже посторонние видят смертельную угрозу, исходящую от прогнившего королевского престола, то мы-то, находясь в авангарде прогресса, уж точно должны действовать и возродить нашу славную имперскую традицию!

— Да здравствует Империя!

— Долой короля!

— Слава монархии и да вернётся царь-первосвященник!

Вы с ужасом слушаете эти оголтелые крики. В другом районе города стражники могли бы без всяких последствий избить любого, кто решился бы произнести такое вслух.

— Друзья, — пылко продолжает Омель, — близится наше время! Время, когда вы, рабочие, кровь и плоть нашего народа, вновь займёте прежнее положение. Когда священники полностью контролировали развитие техники, никакие вельможи не могли скупить в библиотеках все чертежи и использовать их только для своей выгоды! Они бы не позволили столь легкомысленно обойтись со священным наследием, доставшимся нам от наших далёких предков.

Какую пользу мы получили от паровых двигателей, которые служат единицам? Последний писк моды, поезд, какой с него прок? Кто может позволить себе путешествие? Богачи! Кто получает прибыль от продажи билетов? Вельможи! Что остаётся в государственной казне? Пустота! Жалкие медяки, прискорбно низкие налоги, которые платят купающиеся в золоте пассажиры! Да, богатые люди были и раньше, но с них требовали гораздо больше. За собственностью на имение следовала большая ответственность! Вам скажут, что во времена Империи люди жили под грозной, железной рукой царя-первосвященника. Всё верно! Но были и крепкие отеческие объятия. Нас удерживали от падения! Сейчас нет никакой железной длани, вместо неё — огромная жирная рука, она готова схватить за горло, раздавать тумаки, вырывать кошельки! Чего стоит король, который не способен принять ни одного самостоятельного решения?! Он вынужден советоваться с наместниками разных уделов нашей великой страны. Теперь эти губернаторы ведут себя как монархи, но заботятся только о своём клочке земли. Они не желают смотреть на вещи в перспективе и с точки зрения общего блага! У короля нет ни мудрости священников, ни власти царя. Он марионетка! Пять столетий назад Гриф, наш великий вождь, первый царь-первосвященник, начал строить Империю, которая веками гордо стояла на страже прогресса и справедливости, а теперь стала всего лишь воспоминанием, тенью старого доброго времени. Почти целый век мы наблюдаем это жалкое зрелище, игру бесталанных актёров — кесаря и его придворных. Настал час опустить занавес! Грядёт время перемен! Мы, технократы, есть светоч, фонарь в ваших руках, руках честных людей. Вам решать — отложить ли его в сторону и бродить как слепец во тьме или же идти на штурм будущего. Если вы жаждете перемен, если вы устали быть мусором, грязью под ногами жирных вельмож, идите в будущее вместе с нами. Да здравствует технократия! Да здравствует Империя!

После заключительных слов толпу охватывает настоящий восторг. Буря аплодисментов и криков совершенно оглушила вас. Вы чувствуете себя слабым, захваченным этим гневным, мститель-

ным миром, о существовании которого даже не подозревали. Вы из последних сил пробиваетесь к трибуне, с которой спускается ваш гордый племянник, освобождая место следующему оратору.

Ключ 3 — 67

Ключ 4 — 2

Нет ключей — 32

44

Это городской стражник, и он произносит дрожащим от волнения голосом:

— Рабочие вышли на улицы! В городе начался бунт! Никуда не ходите и никому не открывайте! Они идут сюда!

Стражник уходит, и вы видите, как жильцы дома напротив получают такое же предупреждение. Вас бросает в жар. Сами по себе беспорядки не так страшны — скорее всего, протестующие просто пройдут под вашими окнами. Вы беспокоитесь за Омеля. Сейчас вы уже не можете позволить себе роскошь равнодушия. Отперев дверь дрожащими руками, выбегаете на улицу. Вдалеке раздаётся чей-то крик, а сразу за ним следует залп. Мрак ночи расцвечен кровавым заревом пожаров, уничтожающих город. Очевидно, что Батер, каким вы его знали, погибнет в эту ночь. Посеянные недавним покушением семена раздора принесли кровавый урожай.

Ключ 6 — 50

Нет ключа — 48

45

Вы быстро добираетесь до одного из трёх городских храмов. Каменная кубическая глыба с маленькими треугольными окошками очаровывает своей простотой. Здание постепенно приходит в упадок,

как, впрочем, и большинство скиний во всей стране. Поскольку священники перестали быть хранителями знаний, а их медицинские обязанности перешли к докторам в частных кабинетах, люди редко посещают храмы и ищут совета у знакомых, а не у святых учёных мужей. В отличие от жителей соседнего Атипа, граждане королевства не верят ни в каких богов. Точно так же было и во времена Империи, а может, и гораздо раньше. Сверхъестественные существа проходили по разряду легенд, а люди предпочитали верить в свои силы и, до определённого момента, в своих духовных наставников. Вы проходите в центр храма и вежливо кланяетесь старому священнику в просторных бело-голубых одеждах. Он восседает на высоком, похожем на трон кресле.

— Что ты хотел, гость?

— Мне нужны сведения, достопочтенный святой отец.

— Я рад, что ещё хоть кто-то жаждет знаний. Кажется, мне знакомо твоё лицо. Не тот ли ты художник, что два года назад создал прекрасную серию картин о храмах?

— Да, это я.

— Очень интересные работы. И талантливые, надо отметить.

— Спасибо.

— А теперь скажи: с чем ты пришёл?

— Мне нужно попасть на встречу технократов. Насколько я понял, она состоится сегодня, но я не знаю, где и когда.

— Ты поддерживаешь технократов?

— Хочу узнать о них побольше.

— Выходит, ты не только одарён, но и обращаешь свой взор в нужную сторону. Меня это радует. Сегодняшнее собрание предназначено прежде всего для рабочих. Оно состоится на площади Металлургов ровно в восемь часов. Осталось не так много времени.

— Благодарю вас за информацию. Прощайте.

— До свидания.

Вы спешите обратно к дому. Действительно, времени осталось мало, а хотелось бы ещё переодеться и перекусить. Предстоящее посещение рабочего квартала вас не радует, но выбора нет. Портить отношения с сестрой определённо не стоит. Как и большая часть жителей Батера, вы прекрасно знаете об этом (38).

46

Ключ 7

— Делай как знаешь, — презрительно бросает Омель. Вы провожаете его до входа в дом.

Юноша сразу отправляется в свою комнату, а вы рассказываете сестре о митинге технократов. Женщина приходит в отчаяние, но благодарит вас за откровенность. Вы предлагаете ей поговорить с сыном, а не затевать очередную ссору, однако она пропускает мудрый совет мимо ушей. Вы отказываетесь от приглашения переночевать и отправляетесь домой. Хватит на сегодня семейных разговоров — есть дела и поважнее. Вам нужно заняться своей картиной, а всё остальное отодвинуть на второй план (49).

47

— Распутная дрянь не доживёт до вечера! Клянусь именем моего покойного мужа — эту падаль закопают за городом сегодня же! — восклицает сестра с яростной ненавистью.

Вам впервые приходит в голову, что, возможно, она не совсем владеет собой. Похоже, необходимость растить сына одной и постоянные заботы о семейном капитале повлияли на неё больше, чем вам казалось. Вы понимаете, что практически приговорили к смерти свою недавнюю собеседницу. Опасения претворяются в ужасную правду, когда во время вечернего визита сестра сообщает, что «опу-

стившуюся шлюху» застрелили при попытке к бегству. Несомненно, «прекрасные новости» вскоре будут переданы Омелю. Вы знаете свою сестру и уверены, что она сообщит известие сыну со стоическим спокойствием и без тени эмоций. Теперь вы опасаетесь, что юноша быстро выяснит, по чьей вине погибла возлюбленная. Его месть может оказаться ужасной. Как только сестра уходит, вы забиваетесь в угол и тихо плачете. Такого не случалось с тех пор, как умер отец, и вы глубоко презираете себя за то, что кажется проявлением слабости. И всё же вы позволяете слезам течь, пока у вас не перехватывает дыхание. Ещё несколько часов в тишине пустого дома время от времени слышатся рыдания. Вы произнесли несколько слов, и одной фразой убили человека (39).

48

Ключ 21

Вы мчитесь куда глаза глядят. Ваш блуждающий взор полон страха, вы бродите по улицам, задыхаетесь, кричите:

— Омель! Омель!

Выбежав из очередного квартала на широкий проспект, вы неожиданно оказываетесь между кордоном вооружённых револьверами стражников и группой рабочих. Последние приближаются, в их руках молотки, гаечные ключи и вырванные доски. Успеваете перебежать на другую сторону улицы за мгновение до первого залпа. Вы несётесь вперёд как ошалелый, слыша всё больше выстрелов и нарастающий звук боя. Через несколько минут с разбега врезаетесь в группу людей, стоящих у выхода из какого-то переулка. Вы с ужасом замечаете, что влетели в отряд городской стражи. Хуже того, один из мужчин с громкими проклятиями вытирает кровь, хлынувшую из разбитого носа.

— Прошу прощения, господа! Я ищу племянника, он был на митинге технократов... — говорите вы не задумываясь.

Лишь через мгновение по выражению лиц слушателей вы понимаете, что совершили серьёзную ошибку.

— Технократов?! Арестовать ублюдка и под замок его! — яростно кричит ушибленный, по всей видимости командир отряда.

Понятно, что в такой ситуации сопротивление совершенно бессмысленно. Вы смиренно подчиняетесь воле грубых «провожатых», которые отводят вас в участок. Остаётся надеяться, что Омелю повезло больше (28).

49

Когда вы решаете, что сегодня поработали достаточно, на улице темнеет. Уже готов довольно детальный набросок с общим планом и важными действующими лицами, а также подобраны правильные цвета. Вы довольны результатом и с жадностью утоляете подавляемый с утра голод, обдумывая планы на вечер.

Ключ 8 — 31

Нет ключа — 60

50

Ключ 10

Вы бродите по охваченным беспорядками улицам и чувствуете себя как ребёнок, заплутавший в тумане. Неизвестно, где искать Омеля: он может быть и в рабочем квартале, и во главе какого-нибудь шествия. Вас сковывает почти животный страх, однако сейчас вы бы не вернулись домой ни за какие сокровища мира. Огонь пожирает Батер, и он манит вас как мотылька; в сознании мелькают образы будущих картин. Из мира собственных фантазий вас вырывает чья-то хватка. Резко спустившись с небес на землю, вы

видите, что перед вами стоит Азуа, подруга вашего племянника. Её платье измазано кровью, а глаза полны ужаса.

— Какое счастье, это вы! — с облегчением восклицает женщина.

— Где Омель?!

— Он ранен, но не очень серьёзно. Один из королевских прихвостней всадил ему пулю в плечо. Я как раз бегу к знакомому за чистыми бинтами и спиртом. Лекарства сейчас на вес золота, раненые умирают прямо на улицах!

— Стоять! — раздаётся чей-то крик.

Женщина вздрагивает и, повинуясь инстинкту, прячется за вашей спиной. Вам не очень нравится роль живого щита, особенно если учесть, что вы оказались лицом к лицу с вооружённым отрядом городской стражи. Прежде чем вы успеваете среагировать, Азуа убегает. Двое стражников тут же бросаются в погоню, а командир, смерив вас злобным взглядом, орёт:

— Пособник мятежников! За решётку его!

Возможно, стоило бы последовать примеру технократки, но при таком раскладе побег — не лучший вариант. Вы покорно идёте за стражником и убеждаете себя, что всё образуется как только закончатся волнения. Пока же вы отправляетесь на встречу неизвестности под конвоем блюстителей закона (28).

51

Помещение бывшей конторы технократов полностью разгромлено. Сквозь окна с сорванными ставнями и выломанную дверь вы видите, что внутри столпились люди, одержимые безумной жаждой разрушения. Один из них восклицает:

— Смерть врагам Короля! Смерть технократам!

Гневный ропот его товарищей выражает полное одобрение. Даже вы на мгновение задумались — а не правы ли эти люди? Всем известно, что технократы ненавидят правящую династию. Вы не удивитесь, если в ближайшее время официально признают, что убийца был одним из них. Ясно одно — племянника нужно разыскать немедленно, до того, как жители Батера решат выразить недовольство технократами и их сторонниками в самой радикальной форме (69).

52

Весь следующий день проходит в одиночестве и мрачных раздумьях. Всю свою жизнь вы избегали опасностей. Вы отрезали себя от зловещей реальности, отгородившись надёжным экраном своих картин и создавая на холсте собственный мир. Теперь эта безопасная скорлупа треснула, и вы рухнули прямо в бурный поток реальности. Очень жаль, что сестра невольно разрушила вашу гармоничную жизнь. Сидя на холодном полу карцера, без еды и даже стакана воды, вы чувствуете, что оказались на грани нервного срыва. До сих пор вы считали себя сильным человеком, но поток событий, в который ввергло течение жизни, совершенно ошеломил вас. Без кисти в руке вы похожи на заплутавшего в тумане мальчишку, грубо вырванного из объятий семьи. Вечером какой-то стражник открывает дверь карцера, однако вы принимаете это изменение обстановки с полным равнодушием. Он вежливо выпроваживает вас в коридор и извиняется за доставленные неудобства, ссылаясь на пункты устава, согласно которым он должен был «неуклонно соблюдать процедуры». Только тогда становится ясно, что произошло. Сестра в очередной раз задействовала свои связи. Вы свободны. Вы направляетесь домой и минуете разбитые вывески магазинов, опрокинутые кареты и изрешечённые пулями фасады зданий. В городе по-прежнему царит хаос, но вас это не занимает. Вы очень быстро отключаетесь от реальности и погружаетесь в облако

образов для своих новых картин. Внешний мир не опасен, если смотреть на него сквозь раму мольберта.

Выясняется, что Омель с которого, похоже, сняли все обвинения, выздоравливает под опекой матери, практически захватившей его в плен. Судя по всему, юношу это вообще не волнует. Его возлюбленная, Азуа, погибла, и весть о её смерти полностью парализовала волю племянника. Впрочем, если бы он и хотел подавить своё горе, погрузившись в политическую деятельность, то уже не смог бы это сделать (39).

53

Смирившись, вы посматриваете на дверь. Вы знаете, что не сможете отказать сестре. Слишком привыкли к её покровительству и не станете опрометчиво лишать себя этого преимущества. Вы вносите ещё пару исправлений в эскиз и, покинув безопасную студию, неохотно выбираетесь наружу, на охваченные безумием городские улицы. Батер, провинциальный приграничный городок, внезапно стал эпицентром событий, способных изменить ход истории во всём королевстве. Нужно как можно скорее найти племянника, пока юный глупец не влип в такие неприятности, из которых его не вытащит даже заботливая мать.

Ключ 1 — 20

Ключ 2 — 59

Нет ключей — 7

54

Весть о покушении распространяется по городу как чума. Вы наконец полностью осознаёте, что на самом деле значит выражение «разлитая в воздухе тревога». Вы часто встречали эту фразу в книгах,

но там она была всего лишь красивостью, мишурой, приятно щекочущей эстетическое чувство читателя. Теперь она вошла в реальный мир, а смятение просочилось в каждый уголок города. Всё вокруг проникнуто давящей атмосферой опасности. Люди сбиваются в группы, толкаются на уличных углах, яростно спорят; кое-где мелькают стражники, слышатся какие-то отдалённые крики, поспешно закрываются ставни. Ещё не добравшись до своего дома, вы успеваете услышать последние новости. Наследник престола умер. Вы пока не поняли, правда ли это, хотя видели покушение своими глазами и знаете, что обычно тройной выстрел в спину с такого близкого расстояния оказывается смертельным. Тем не менее, вы всё ещё не можете поверить в смерть дофина. Очевидно, такое событие станет мотором перемен, которые затронут всех и каждого — от самого высокопоставленного чиновника до последнего нищего. Что ещё хуже, они коснутся и вас.

Вы с облегчением переступаете порог своего дома. Входите в просторную студию, которая занимает почти весь первый этаж. Вы на секунду задумываетесь, не стоит ли подняться наверх, в жилую часть дома, чтобы немного освежиться, но решаете, что это пустая трата времени. Вы сразу начинаете набрасывать эскиз будущей картины. Перед внутренним взором уже стоит великолепная, законченная панорама города с драматичной сценой покушения на королевского сына. Вы надеетесь, что публика оценит будущую работу. Вы уже сделали себе имя, но сейчас реализм — течение, которого вы придерживались с самого начала карьеры — переживает не лучшие времена и борется с новым направлением, в котором почти полностью отказались от контуров и прямых, чётких линий в угоду размытым, аляповатым формам. Лично вы думаете, что весь этот «туманный стиль» служит лишь искусной маскировкой для отсутствия таланта отдельных художников, а их работы похожи на те, что вы создавали в десятилетнем возрасте, когда ещё не совсем понимали все секреты изобразительного искусства. Вы отбрасываете мысли о триумфе нового (и крайне примитивного, заметьте!)

стиля в вашей профессии, и, полностью сосредоточившись на эскизе, несколько часов ревностно добавляете всё новые и новые детали.

К сожалению, под вечер приходится прервать это увлекательное занятие: на пороге появляется ваша старшая сестра, которая с трудом скрывает свою тревогу. После смерти родителей именно она завладела семейным бизнесом, прибрав к рукам несколько самых крупных городских фабрик. Согласно завещанию, она полностью контролирует вашу часть наследства, которое будет выплачиваться ежемесячными платежами на протяжении нескольких лет. Она редко заглядывает в мастерскую, хотя, как известно, пытается за кулисами продвигать вашу карьеру. Впрочем, вам это не особо по душе. Вы уже собираетесь спросить её о причине внезапного визита, когда она решительно заявляет:

— Ты должен найти Омеля!

Речь идёт о вашем племяннике. Единственный сын, свет её очей... Юноше уже двадцать лет, а он до сих пор окружён почти болезненной заботой своей рано овдовевшей матери.

— Когда он пропал?

— Сегодня в полдень. Не думай, что я истеричка! Утром я обнаружила в его комнате кучу технократских памфлетов. Он разозлился и признал, что уже давно является их горячим сторонником!

— Пожалуй, это ещё не беда. В конце концов, технократы — это легальная политическая фракция.

— Они мятежники! Впрочем, тебе-то откуда знать — ты живёшь в этом своём нарисованном мире! В полдень он всё ещё злился на меня, хотя я не понимаю почему. Всё-таки дом принадлежит мне, а он мой сын, и я имею полное право проверить его вещи когда захочу. Между прочим, эти вещи куплены на мои деньги!

— Разумеется, — смиренно соглашаетесь вы.

— Как бы там ни было, он вышел из дома, сказал, что вернётся к вечеру, а может, и завтра утром, так как идёт на сходку этих смутьянов! Ты должен найти его и вернуть домой как можно скорее. После покушения на нашего возлюбленного дофина угрожающие и гневные

возгласы слышны повсюду. Люди обвиняют технократов, и справедливо обвиняют. Боюсь, что толпа нападёт на негодяев, и Омеля, моего бедного мальчика, растерзают вместе с этими отбросами. Найди его!

— Конечно.

— Шевелись!

Сестра выходит из комнаты, а вы остаётесь наедине со своим дурным настроением. Далеко не первый раз с вами обращаются как с мальчиком на побегушках, хотя на этот раз женщина может оказаться права. Сегодня вечером Батер не будет безопасным местом, уж точно не для технократов и их сторонников (53).

55

— Вы не очень-то любезны.

— А вы не очень-то честны.

— Мне не нравятся легковерные мужчины, но избыточная подозрительность раздражает не меньше, чем слепое доверие. Прощайте.

— Доброго дня, — бросаете вы на ходу.

Незнакомка идёт своей дорогой. Вы не знаете, что именно она хотела от вас и была ли ваша встреча действительно случайной, но чувствуете, что ваши пути ещё пересекутся. Между тем вам нужно вернуться к неотложным делам (7).

56

Вы рассматриваете трибуну, на которой как раз появляется долгожданный молодой оратор. Вы с ужасом вглядываетесь в разгневанное, решительное лицо Омеля. Чувствуете, что вас мгновенно прошиб пот — сестре такие вести точно не понравятся. Похоже, племянник не просто сторонник технократов, а полноправный член

их партии! Вы с удивлением слышите внезапно поднявшуюся бурю аплодисментов и присоединяетесь к овации. Как и все собравшиеся, вы затаив дыхание ждёте начала речи (43).

57

— Вы правда думаете, что если бы Омель не стал технократом, то вы продолжали бы вести мирную жизнь? Три выстрела на площади изменили всё безвозвратно. Эти изменения коснутся и вас, и меня, и всех остальных.

— Вы абсолютно уверены в этом, да?

— Конечно. И вы знаете, что я права, просто боитесь признать.

— Пожалуйста, не надо додумывать за меня. Тут уж мне точно виднее. Именно это отталкивает в вас, технократах — ваше странное стремление получить монополию на знания. Вы хотите полностью контролировать жизни миллионов. А вам не приходило в голову, что люди предпочитают сами распоряжаться собственной жизнью?

— Даже если это приводит к сплошным невзгодам?

— Думаю, да.

— Тогда признайте, что не все хотят быть пассивными наблюдателями. Если вы видите как испуганная лошадь мчится прямо на играющих детей, вы что, останетесь в стороне?

— Нет.

— Вот видите. Животное не вернуть, но вы можете спасти детей и быстро отвести их в безопасное место. Конечно, они будут плакать, ведь вы помешали им играть, а может и оставили синяки, когда тащили их. Однако это цена их жизни.

— Убедительно. Должен признать, это хороший пример. Но учение технократов предполагает, что после героического спасения детей за ними нужно постоянно присматривать, а не оставить в покое, ограничившись поучениями.

— Порой дети принимают родительскую опеку за террор. И они же с нежностью вспоминают её много лет спустя.

— Или всё ещё изживают следы слишком жестоких наказаний.

— Похоже, мы можем бесконечно обмениваться аналогиями.

— Я бы предпочёл оказаться в тиши своей студии, а не в этой камере. Пока что знакомство с технократами не принесло мне ничего хорошего (36).

58

— И что же плохого в действенности?

— Это зависит от цели. А здесь речь идёт о власти. Если Империя на самом деле была такой великой, то я сомневаюсь, что горстка магнатов могла изменить её...

— Скажи лучше свергнуть!

— Пусть будет «свергнуть», неважно. А важно то, что это удалось сделать без особого труда. И где же было ожесточённое народное сопротивление? Я видел множество картин того времени. На них изображены горящие храмы, сброшенные статуи, разбитые бюсты бывших царей-первосвященников.

— А может, никто не осмеливался писать что-то другое. Или другие картины были уничтожены.

— Не исключено. Однако первый кесарь лично спас многие ценные памятники, тесно связанные с имперской идеологией. Даже те панегирики, восхваляющие постоянные войны. Они высечены на каменных плитах, установленных под дворцом.

— Он запрятал их в подземелье.

— Для защиты от уничтожения. Уверяю тебя, они в целости и сохранности. Вот уже несколько десятилетий в древних подвалах действует выставка, посвящённая временам Империи. Я дважды бывал в столице и видел эти реликвии. От них исходит ненависть.

— Империя должна быть сильной, а у нас было много врагов.

— И ни одной оборонительной войны. Сплошные акты агрессии.

— Упреждения.

— Знай одно, Омель — тот, кто однажды вкусил абсолютной власти, не легко забывает это чувство. А времена Империи — это эпоха великих, всемогущих людей. Память о «славных днях» передаётся от отца к сыну, обрастает легендами и начинает искушать.

— Да что ты вообще знаешь о технократах?! Ты просто повторяешь избитые слова, подхваченные где-то на улице!

— Твои друзья выказывают ненависть на каждом шагу, пестуют её. Что будет, если они действительно захватят власть и уничтожат своих врагов? Думаешь, ненависть исчезнет? Нет, они очень скоро найдут новых врагов, которых надо убивать. Их стихия — война, и, очень может быть, она важнее и самой власти. Вот почему имперский союз священников и армии был почти непобедим.

— Но что было до восшествия Грифа на престол? Пока не объединили титулы царя и первосвященника, мы страдали от частых гражданских войн и восстаний вельмож. Кто-то должен был положить этому конец, навести порядок, пусть и с помощью жестоких мер. Дядя, разве не стоит биться за правое дело, даже если это приносит временные разрушения?

— Я прожил слишком недолго и видел слишком мало, чтобы ответить на этот вопрос. Моё дело — запечатлеть то, что я вижу. Постановку сцен для моих картин я оставляю другим.

Юноша хочет сказать что-то ещё, но молчит. Вы тоже не продолжаете беседу, позволив мыслям мирно плыть по течению. Остаток пути проходит в тишине (12).

59

Вы идёте вперёд и вперёд, думая только о пропавшем племяннике. Непонятно, откуда начинать поиски. Батер — не такой уж большой город, но в нём достаточно переулков, и тот, кто хочет скрыться, вполне может найти безопасное пристанище хотя бы на несколько дней. После четверти часа бесцельных блужданий вы ненадолго останавливаетесь, чтобы собраться с мыслями. Затем внезапно чувствуете чью-то руку на своём плече и вздрагиваете. Вы резко оборачиваетесь, слегка испугав женщину, которая произносит серьёзным тоном:

— Спасибо за помощь.

Узнав незнакомку с площади, вы улыбаетесь, но вас тут же охватывают сомнения. Что она здесь делает? Неужели она следовала за вами, и если да, то с какой целью? Только для того, чтобы поблагодарить?

— Следили за мной? — сердито спросите вы (63).

— Не за что. Вы были в беде (23).

60

Желание покинуть уютную обитель тает с каждым выпитым глотком. Вы мысленно корите себя за то, что чуть было не поддались речам племянника. Если юноша хочет вкусить «приключений», пусть делает это самостоятельно. Вы не собираетесь впрягаться в эту лямку и нянчиться с ним. С этой мыслью вы ложитесь спать, предварительно опорожнив ещё одну бутылку вина.

Громкий стук в дверь безжалостно вырывает вас посреди ночи из царства мечтательных грёз. Растерянный, напуганный и ещё не до конца трезвый, вы подбегаете к двери и открываете маленькое окошко, заглядывая в лицо незваному гостю.

Ключ 7 — 44

Нет ключа — 15

61

Решаете не привлекать к себе внимания. В конце концов вы здесь не для того, чтобы расширять свои познания о технократах. Вам просто нужно найти племянника и отвести его к матери, пусть даже и силой. Между тем волнение толпы нарастает с каждой минутой. На вас тоже влияет нервозная обстановка, хоть и по другим причинам. Когда начнётся митинг, осматриваться и искать юношу станет намного труднее (56).

62

Вы с тревогой смотрите на седого хозяина, который ловко перевязывает раны неестественно бледного, мечущегося в бреду Омеля. Время от времени доктор исчезает за дверью, ведущей в соседнюю палату, откуда доносятся чьи-то болезненные крики. Судя по всему, этот богато обставленный дом является чем-то вроде пункта первой помощи для влиятельных технократов. Между тем мальчик всё ещё истекает кровью, и только сейчас вы ясно осознаёте, что его организм может проиграть борьбу со смертью. Вы садитесь у стены и невольно потираете пульсирующий висок. Внезапная головная боль и отчаяние отнимают всякую волю к действию. Впрочем, сейчас толку от вас не много. Как обычно вы всего лишь наблюдатель, правда в этот раз надёжная плотина из холста и мольберта не отделяет вас от зловещего мира.

Ключ 9 — 9

Нет ключа — 13

63

— О нет, наша встреча — чистое совпадение. Я даже не была уверена, что вы тот самый человек.

— Смею усомниться (55).

— В таком случае это счастливое стечение обстоятельств (10).

64

Лучше впустить стражников до того, как они выломают массивную дверь. Может, тогда вас посчитают более благонадёжным? Как только вы открываете дверь, внутрь вваливаются четверо вооружённых мужчин. Один из них резко командует:

— Молодого отвезти к врачу. Он очень нужен живым — сопляк кое-что знает! Этого, — он указывает на вас, — в тюрьму. Потом разберёмся, кто он. А её... Похоже, она уже мертва. Бросьте здесь.

Вы молчите, зная, что в такой ситуации любая попытка объясниться навлечёт на вас гнев раздражённых стражников и ничем не поможет. Тем не менее, вы решаетесь на просьбу:

— Позвольте мне хотя бы запереть дом. Я не доставлю вам никаких хлопот.

— Шаг в сторону, и получишь пулю в лоб! — рявкает командир.

Вы ждёте, пока стражники вынесут Омеля, запираете дверь на оба замка и отдаёте ключи одному из солдат. Затем вы позволяете себя связать и послушно идёте за своими «провожатыми». Вам не терпится узнать, что будет, когда они поймут, кто вы и чьего сына они схватили. Фактически, карьеру этих людей можно считать законченной. Влияние вашей сестры простирается так далеко, что Омель вполне мог убить кого-нибудь среди бела дня и отделаться крупным штрафом или временным изгнанием. К сожалению, в охваченном хаосом городе все связи потеряли своё значение, по крайней мере

на несколько часов. В эту ночь главным авторитетом в Батере выступает слепая сила (28).

65

Ключ 5

— Омель уже не ребёнок, — вмешивается незнакомка. — Он мужчина и не должен бросаться по свистку к матери как щенок.

— Значит, он уже достаточно вырос, чтобы говорить за себя сам. Омель, ты сегодня придёшь домой?

— Прости, дядя — другие планы.

— Да, извините, — говорит женщина и подхватывает Омеля под руку. — Нам пора. Доброй ночи.

— Взаимно, — отвечаете вы, многозначительно улыбаясь.

Вы отправляетесь в обратный путь с полным пониманием ситуации. Очевидно, что молодой человек поддерживает технократов вовсе не из политических побуждений. Правда, учитывая красоту его спутницы, удивляться тут нечему. В каком-то смысле вы даже им гордитесь. Увы, сестра отреагирует на то, что сын не придёт сегодня ночевать, несколько иначе. И скорее всего, в педагогическом провале вновь обвинят вас (70).

66

Вы прибываете в контору технократов в тот самый момент, когда приставленный к ней человек поспешно закрывает помещение. Вежливо приветствуете его и несколько смущённо говорите:

— Не могли бы вы рассказать мне о сегодняшней встрече?

— И как вы о ней узнали? — подозрительно спрашивает собеседник.

— Один мой родственник говорил, что собирается пойти. Он звал и меня, но я отказался. А сейчас я всё же хотел бы посетить митинг. Узнать что-то о вас.

— Я бы вам не советовал — сегодняшняя встреча может быть опасной.

— Я не боюсь. Просто хочу узнать, что вы предлагаете. Близится время больших перемен, и кто знает, может именно вы возьмёте верх.

— Уверяю вас: так будет лучше для всех, для общего блага. А время нашей встречи — никакой не секрет, хотя вот место вам, возможно, не подойдёт. Митинг состоится вечером, в восемь часов, в самом центре рабочего квартала. На площади Металлургов.

— В рабочем квартале?!

— Именно там, приходите. А сейчас прошу меня извинить — я очень спешу.

Вы уходите, переваривая удивительные известия. Рабочие и технократы? Последние где-то на три четверти состоят из аристократов высшего класса. Вы идёте дальше, пытаясь понять цель этого мезальянса. «Ладно, это их дела. Сами решают, с кем вожжаться», — с возмущением думаете вы. Перед посещением рабочего квартала вы решаете переодеться во что-нибудь менее броское. Не стоит нарываться на неприятности, шокируя этих людей своим богатством (38).

67

Ключ 6

Не обращая внимания на протесты возмущённых слушателей, вы начинаете расталкивать всех, упорно прокладывая путь к трибуне. Вы едва успеваете — ещё минута, и племянник бы скрылся из виду, свернув на соседнюю улочку. Молча бежите туда. Вы и так привлекли к себе лишнее внимание.

В тесном переулке вы обнаруживаете Омеля, занятого оживлённым разговором с женщиной, которой вы помогли на площади. Незнакомка замечает вас первой и радостно говорит:

— Вот мы и встретились!

— Да, спасибо, что пригласили на митинг. Здравствуй, Омель.

— Добрый вечер, дядя, — растерянно отвечает юноша. — Тебя что, мать прислала?

— Так и есть. Ты собираешься домой?

— Нет.

— Послушай, — перебивает его незнакомка. — Сегодня ты сделал всё что мог. И, надо сказать, произвёл впечатление. Мы все благодарны тебе, дорогой, а я особенно. Пусть дядя проводит тебя домой. Кстати, — она поворачивается к вам. — мне бы стоило на вас обидеться. Не похоже было, что вам есть дело до того, какое слово технократы несут людям.

— Вы не выглядите обиженной.

-Меня зовут Азуа, и вы можете звать меня по имени. В конце концов, у нас есть общий друг.

Она ласково смотрит на Омеля, который, видимо, совершенно очарован женщиной старше его самого лет на десять. Со стороны площади доносятся бурные аплодисменты — наверное, очередной оратор закончил выступление.

— Пойдём, — твёрдо говорите вы племяннику.

Юноша послушно кивает и идёт следом. Азуа провожает его выразительным взглядом. Похоже, вы узнали, что — или вернее кто — является истинной причиной участия племянника в делах технократов (70).

68

Ключ 6

— Это вы! — вмешивается в разговор незнакомка. — Омель, именно этот человек помог мне сегодня на площади. Рада узнать, что вы в родстве с моим дорогим другом.

Говоря это, она красноречиво кладёт руку на плечо юноши, а тот одаряет её очень нежным взглядом.

— Твоя мать сходит с ума от беспокойства. Ты собираешься возвращаться домой?

— Я...

Омель вопросительно смотрит на свою спутницу, которая твёрдо заявляет:

— Хватит забот на сегодня, дорогой. Ты проявил подлинный ораторский талант, вдохновил толпу... Тебе лучше отдохнуть дома. Неизвестно, что принесёт эта ночь.

— Если ты так считаешь... Спокойной ночи.

— И тебе. Доброй ночи, сударь.

Технократка уходит, и племянник провожает её выразительным взглядом. Похоже, вы обнаружили самый убедительный для Омеля «аргумент» в пользу этой фракции (70).

69

Вы бродите по запруженным обеспокоенной толпой улицам, тщетно высматривая плакаты с информацией о сегодняшнем митинге. Не означает ли это, что сегодняшняя встреча предназначена только для самих технократов и их самых горячих последователей? Если сходка не рассчитана на широкую публику, значит Омель участвует в сомнительных политических делах гораздо активнее, чем подозревает сестра. Вы сомневаетесь, как лучше поступить: продолжать искать афиши (25) или же попытаться где-то добыть

сведения? Может, в одном из городских храмов что-то знают (45)? Всё же центральным пунктом технократской программы является восстановление былой власти священников. Во всяком случае, вы слышали нечто подобное краем уха. Или напротив — речь шла о лишении их влияния? Вы никогда не интересовались политикой, а сейчас, похоже, вляпались прямиком в эту грязную лужу.

70

Вас раздражает мысль, что из-за всего этого дела пришлось отказаться от комфортного невмешательства. Присутствие на митинге выглядит как своего рода предательство собственных убеждений. Здесь нет логичного объяснения, однако вы чувствуете, что именно в этот момент в вашей жизни произошли какие-то существенные изменения, которые в будущем принесут свои плоды. Между тем вам и других забот хватает.

Ключ 5 — 17

Ключ 6 — 19

71

— Ну, это вы так думаете. Прощайте!

Вы смущённо кланяетесь и провожаете взглядом поспешно удаляющуюся собеседницу. Похоже вы, сами того не зная, спасли от стражника настоящую технократку или, по меньшей мере, их горячую сторонницу. Вы сжимаете кулаки от бессильного раздражения — шанс быстро добраться до митинга безвозвратно упущен. Вам остаётся только вернуться к самостоятельным поискам (7).

72

Когда вы добираетесь до следующего квартала, племянник уже впадает в беспамятство. Между тем над городом отчётливо виднеется зловещее зарево. Батер горит. Со всех сторон доносятся близкие и далёкие звуки выстрелов, слышны крики, ржание испуганных лошадей. Одна из них чуть не растоптала вас. Толпы людей выливаются на улицы, и большинство из них — это мелкие преступники, политические фанатики или жаждущая впечатлений молодёжь из всех слоёв общества. Чем ближе к рабочему кварталу, тем больше людей попадается на пути. Стражников нигде не видно, их место заняли вооружённые чем попало горожане. Скорее всего, стража занята охраной правительственных зданий и особняков богачей. Вы упрекаете себя за то, что не направились прямиком к имению сестры, но теперь уже ничего не поделаешь. Вы еле бредёте, спотыкаясь и сгорбившись под бременем неподвижного тела, но наконец выходите на нужную улицу и быстро отыскиваете указанный Омелем номер дома. Вы изо всех сил колотите в дверь, которая на удивление скоро открывается. На пороге стоит пожилой мужчина в окровавленном медицинском халате. Он смотрит на ваш «груз» и твёрдо говорит:

— Заходи! (62)

73

Вы ошеломлены и по инерции бежите дальше. Какое-то время бесцельно кружите по городским улицам, охваченным хаосом. Внезапно осознаёте, что Омель должен быть где-то там, в гуще событий. Страх за единственного родственника, до которого вам есть дело, побуждает действовать. Вы решаете, что должны разыскать его (48).

74

Внезапно кто-то окликает вас по имени. Вы оборачиваетесь и с удивлением видите Омеля, которого поддерживает Азуа. Племянник очень бледен, он ранен в плечо, и из открытой раны идёт кровь, заливая платье обеспокоенной женщины. Раненый ещё в сознании и называет адрес дома в рабочем квартале, куда его нужно отвести.

— Там мне помогут... Азуа, иди вперёд и жди нас... Поможешь доктору...

— Уже бегу!

Не глядя на уходящую женщину, вы взваливаете племянника на плечо и идёте вперёд. На шее ощущается горячее, неглубокое дыхание подстреленного технократа (72).

Глава 2

На вольных хлебах

Вы проводите три долгих недели в своей мастерской, полностью отрезав себя от мира, который вы заменяете своим собственным, создаваемым на холсте. Когда картина готова, вы нескромно признаёте, что это ваше лучшее творение. В качестве самой яркой точки выбрано дуло револьвера сразу после выстрела. Всё остальное темнеет от плана к плану. Лица зевак однотипны, невыразительны, они выдают мелочность духа и отсутствие воли к действию. Кипучая жизненная сила смертника, напротив, затмевает всё остальное, включая и наследника престола. Вы изобразили последнего весьма достойно, как человека, с гордостью принимающего приговор судьбы. Он даже не пытается оглянуться, чтобы увидеть лицо убийцы. Дофин смотрит куда-то вдаль, как будто дела этого мира его больше не волнуют.

На радостях вы не обращаетесь к сестре, а напрямую связываетесь с управляющим галереи. Вы показываете пожилому, пухлому мужчине свою работу, и она явно привлекает его внимание, как и сумма, предложенная ему за возможность выставить картину в галерее в течение следующих недель.

— Ну разумеется, я обеспечу хорошее место на выставке. Как называется картина?

— «Вспышка».

— Какая вспышка? От выстрела?

— Нет, просто «Вспышка».

— Ну хорошо… Хорошо… Пожалуйста, доставьте картину завтра утром. А сегодня я распоряжусь повесить афишу у входа.

— Благодарю.

— Надеюсь, вы быстро найдёте покупателя. Наценка галереи не изменилась.

— До завтра.

Вы прощаетесь и благодарите за помощь, на которой, впрочем, управляющий может неплохо заработать. Затем вы возвращаетесь домой. Продажа картины — дело десятое. Реакция зрителей — вот что интересно, и, похоже, она не будет однозначной (201).

201

Небольшая группа зрителей столпилась перед картиной, висящей в одной из ниш главного зала. Посетители что-то бурно обсуждают, постоянно поглядывая в вашу сторону. Сейчас почти полдень, а с утра через зал прошли уже десятки серьёзных ценителей и возможных покупателей. С каждым часом мнения становятся всё более критическими, хотя они скорее относятся к теме, а не к методу исполнения. Внезапно один из посетителей оглядывает вас с нескрываемым презрением и говорит:

— Эти цвета! Почти сплошь коричневый!

— Здесь множество оттенков, — сухо возражаете вы.

— Это похоже на кучу навоза! А кроме того, вы даже не озаботились тем, чтобы нарисовать побольше лиц! Эта мазня восхваляет убийство! Позор!

— Позорно здесь только ваше поведение. Вы даже не невежда, а попросту обычный кретин, — цедите вы сквозь зубы (236).

— Не моя вина, что у вас возникают подобные ассоциации. Это мой взгляд на покушение, а я видел его собственными глазами (231).

202

Вы быстро обнаруживаете, что в Мегиддо хватает и других объектов, достойных быть запечатлёнными на холсте. Особенно интригует самое высокое в городе кирпичное здание — пятиэтажный особняк Совета старейшин. Из-за плохой погоды тяжело, а порой и вовсе

невозможно долго находиться на улице, поэтому вы ограничиваетесь быстрыми зарисовками с разных углов. Вы решаете закончить крупноформатную панораму с приходом весны и тёплых дней, а зиму проводите в ближайшей библиотеке. Как ни странно, раз в неделю сюда доставляют номера двух самых важных газет королевства, и так вы получаете новости с Родины. Порой они лишают вас покоя, особенно когда речь заходит о фуроре, произведённом «недавно объявившимися провинциальными гениями», их картинами и скульптурами. Судя по всему, эти самые гении в последнее время прибывают в столицу целыми толпами. Несмотря на несколько сказочную атмосферу Мегиддо, вас так и тянет последовать их примеру и отправиться покорять столицу (227). «Но разумно ли уезжать из Атипа прямо сейчас? — раздумываете вы. — Ведь мне нужно закончить картину» (213). Этим вечером вы сидите в своей комнате с кувшином пряного пива и тщательно взвешиваете все плюсы и минусы.

203

Очевидно, что внимание аудитории привлечёт не мастерство, а тематика будущего произведения. Вы приступаете к работе, которая поглощает вас на ближайшие две недели. В результате появляется гротескная картина «Марш в будущее», на которой изображены идущие плечом к плечу пролетарии. Их рабочие фартуки отмечены эмблемой технократов. На заднем плане виднеется фабрика — гигантская кирпичная башня шестиугольной формы. Лица людей сосредоточены и серьёзны; они напоминают солдат, идущих на фронт. В левом нижнем углу вы поместили две далёкие фигуры: любопытного мальчишки и неряшливого старика с равнодушным взором. Беспристрастно оглядывая своё творение, вы задаётесь вопросом, сработает ли ваш план.

Большинство критиков положительно оценивают «Марш», а торговцы картинами с нетерпением ждут их отзывов. Придворные также не остаются в стороне, и вот уже появляются первые клиенты, заинтересовавшиеся вашим творчеством. Один из них, технократ с острым взглядом и благородными чертами лица, заказывает у вас портрет и, загадочно улыбаясь, добавляет:

— Теперь вы видите то, что нам нужно, и я прошу вас показать свой талант во всей красе.

Вы молча киваете. Да, тут всё ясно. «Правила этой политической игры едины и для художника, и для аристократа», — размышляете вы, работая над эскизом портрета (219).

204

Ключ 15

Очень скоро «Непрерывность» производит настоящую сенсацию, хоть и не такую, о какой вы мечтали. Да, газеты охотно пишут о картине, но обычно упоминание о ней служит лишь прелюдией к экономическим и социальным дискуссиям. Правда, в последнее время вы заинтересовали нескольких потенциальных покупателей, однако быстро выясняется, что успех картины скорее создал для вас массу препятствий на художественном рынке столицы. Вы осознаёте, что оттолкнули сильных мира сего. Они не желают иметь ничего общего с делами, которые явно идут вразрез с курсом набирающих вес технократов (208).

205

Вы заканчиваете картину «Публичный дом» всего за неделю. На красочном, широком полотне изображено гротескно большое здание борделя. Оно возвышается над всеми окрестными домами

и улицей, которая хоть и полна людей, но на общем фоне выглядит, как тоненькая ленточка, брошенная к порогу величественного храма. Сквозь распахнутые окна и двери можно увидеть настоящую оргию. На столах расставлены винные бутылки самых известных марок, а женщины носят украшения из последней коллекции лучших столичных ювелиров. Почти все прохожие на крохотной улице неотрывно смотрят на дом терпимости и царящее там веселье. Никто не обращает внимания на человека в кандалах, сидящего в левом нижнем углу картины. Вы очень довольны своим произведением и, закончив работу, начинаете подыскивать место для выставки.

Хозяин первой галереи, в которую вы обратились, рассматривает ваше творение с явным смущением. Он нервно улыбается и объясняет менторским тоном:

— У этой картины есть некоторые художественные достоинства. Я бы назвал их необычными... Здесь мы видим верный глаз и твёрдую руку, но... сама идея... Такую работу явно расценят как клевету на политику нашего милосердного государя Императора. Разумеется, я не считаю, что вы сделали это умышленно. Тут, скорее, вольные ассоциации на тему объявленной реформы публичных домов...

— Понимаю, — сухо говорите вы, пресекая речь собеседника. — Я, пожалуй, пойду...

— Ну что вы! — восклицает галерист. — Вы меня не так поняли! Конечно, я могу выставить вашу работу. Уровень исполнения выше всяких похвал. Возможно, её даже купят. Я говорю о некоторых... последствиях. Они могут весьма неблагоприятно сказаться на вашей карьере.

— Я наживу себе влиятельных врагов.

— Вот именно. Пожалуйста, обдумайте всё ещё раз!

— Так и сделаю.

Вы покидаете галерею и быстро возвращаетесь к себе, чтобы тщательно оценить ситуацию. Вы всерьёз подумываете отказаться от выставки (223). Хотя собеседник вёл себя довольно сдержанно, он произвёл впечатление человека, который действительно хочет

помочь. Его совет кажется правильным, но это не значит, что нужно слепо последовать ему. По сути, перед вами стоит простой выбор. Если вы хотите сохранить творческую свободу, то должны заплатить за это определённую цену, в данном случае — пойти на риск общественного осуждения (243). Что, если вашу картину и впрямь истолкуют так, как предполагает галерист?..

206

— Ну, если вы так решили...

— Окончательно, — отвечаете вы без тени сомнений.

— Что ж, могу только пожелать успеха в продаже «Вспышки». До свидания.

Явно разочарованный покупатель уходит, а зрители провожают его злобными взглядами. Вам, напротив, достаются взоры, полные одобрения. Уже через час вы получаете первую записку с предлагаемой суммой, и за ней следуют ещё две. Похоже, вы заслужили благосклонность состоятельных людей, которые, мягко говоря, не расположены к технократам. В последующие дни приходит ещё несколько записок, и сразу после окончания выставки в галерее удаётся продать «Вспышку». Сумма гонорара значительна, хоть и немного ниже той, что предлагал купец со спорной репутацией. Вы довольны и несколько вечеров подряд отмечаете свой первый за долгое время самостоятельный успех (257).

207

Ключ 15

— Смотрите, как бы не пришлось пожалеть о своём решении, — ядовито произносит бюрократ. — Наш разговор окончен. Прощайте.

Вы покидаете особняк несостоявшегося заказчика со смешанным чувством. Вы не совсем уверены, что приняли правильное решение, но с другой стороны, вы никогда не писали картины, столь откровенно искажающие действительность. Одно дело — приукрасить портрет знатного клиента, и совсем другое — полить грязью культуру целого народа. Решаете выкинуть это дело из головы, однако вскоре выясняется, что ваш отказ влечёт неприятные последствия. Все знакомые художники, связанные с императорским двором, начинают демонстрировать явную неприязнь. В ближайшее время на прибыльные заказы можно не рассчитывать. Такова цена за верность принципам в наше время (208).

208

Весна приносит городу первые серьёзные изменения. Еда подешевела, зарплаты рабочих медленно растут. Теперь, завидев проходящего священника, любой склонит голову, и исключений тут не бывает. Ни один делец больше не может тайно или явно купить копии книг, хранящихся в Великой библиотеке. Закрытое во времена упадка Империи Министерство по контролю за развитием науки возобновляет свою деятельность. Технократы отбирают права на железные дороги у вельмож и торговцев, объявляя поезд общественным достоянием, которое должно приносить прибыль от продажи билетов только государству. Также формируются многочисленные рабочие бригады и объединяются в своеобразные военизированные лагеря. Предполагается, что они покроют всю Империю и проложат железнодорожные пути даже в самые отдалённые города.

Ключ 14 — 219

Ключи 14 и 15 — 215

Ключ 15 — 226

Ключ 11 — 234

209

Ключ 11

Необычная атмосфера Мегиддо уже как-то приелась. Вас также не тянет отправиться в путешествие по Атипу. Вы понимаете, что где бы ни оказались, ваши мысли всегда будут обращены к столице Империи. Здесь нет разумного объяснения, но понемногу у вас складывается ощущение, что настоящая жизнь кипит в сердце вашей Родины, а все остальные события — лишь слабый отголосок, исходящий из этого источника. С приходом первых тёплых дней вы отправляетесь в обратный путь (208).

210

Несмотря на близкое соседство, мало кто отправляется в Атип по делам, не связанным с коммерцией. Населяющие эту страну люди пришли в неё много веков назад, незадолго до начала правления первого царя-первосвященника. Они говорят на том же языке, что и все обитатели Континента, хотя их выговор и интонация, конечно, сильно изменились. Покинув свою бывшую родину, полностью поглощённую песками пустыни, изгнанники поселились в Мегиддо, падшем городе, облюбованном изгоями. Вскоре они подняли его из руин и основали свою первую столицу. Дарованные им земли располагались в Восточных Пустошах и никогда не были слишком плодородными, однако привыкшим к безводью и убийственной жаре путникам они казались чуть ли не раем. Со временем они построили множество укреплённых городов и сделали крупнейший из них — Анару — своей столицей. Это всё, что удалось выяснить перед путешествием. Пунктом назначения вы избрали Мегиддо — из-за близости города к границе и тесных связей с регулярно прибывающими туда купцами королевства. Вы оказываетесь в Мегиддо ещё до первого снега, однако когда проходите через изукрашенные ворота, вас посещает мысль, что какой-то буран уже обрушился на город.

Все здания без исключения выбелены известью. Черепица из обожжённой красной глины резко выделяется на фоне этой всепоглощающей белизны, как и мелкий чёрный булыжник, которым замощены улицы. Вы находите себе пристанище в одной из гостиниц, где платите смешные деньги за постой сроком на неделю. Сразу бросается в глаза, что страна довольно бедна, и валюта стоит очень дорого. К вашему удивлению, трактирщик вручает вам брошюру для приезжих. В ней объясняются основные принципы, которыми руководствуется местное общество. Один из них оказывается особенно неприятным сюрпризом. Вы узнаёте, что чужеземцам запрещается продавать изображения людей, воплощённые в любой художественной форме. Вы пока не решили, исполнять ли это требование (202) или же рисовать всё, что захочется (240). В конце концов, учитывая обменный курс, вполне можно позволить себе штраф. До тех пор, пока речь идёт только о денежном взыскании.

Первую неделю в Мегиддо вы в основном проводите в развлечениях, но их череду прерывает мрачная весть, принесённая одним из торговцев. Король умер. Пока неясно, станет ли это событие началом новой эпохи для вашей Отчизны или будет означать всего лишь смену постояльца в уютных дворцовых покоях. Однако вы чувствуете, что оно побуждает вас к творчеству. Вы можете — нет, вы просто должны! — рисовать.

211

В местной художественной среде довольно быстро расходится весть о вашей экзекуции в Атипе. Вскоре эту историю уже пересказывают в светских салонах. Естественно, переходя из уст в уста, повесть о ваших приключениях обросла преувеличениями и подробностями. Случайно услышав в одной таверне текущую версию истории, вы начинаете жалеть о том, что вообще упомянули её. Тем не менее, ваши злоключения неожиданно оборачиваются реальными преимуществами. В один прекрасный день вам наносит визит посланец

высокопоставленного чиновника. Последний отвечает за связи с соседними государствами. Вы полны сомнений, но немедленно отправляетесь ко двору.

Ваши страхи оказываются напрасными, а реальность превосходит самые смелые мечты. Бюрократ предлагает выгодный заказ на серию картин об Атипе.

— Вы были там, а кроме того, подверглись преследованиям, — объясняет свой выбор заказчик. — Вы идеально подходите для воплощения впечатляющих образов этой варварской страны.

— О каком количестве картин идёт речь?

— О, это неважно. Может быть, три, четыре. Прежде всего, вы должны показать дикость этого народа, храмовую проституцию, ветхие дома, тёмных людей...

— А вы были в Атипе? — спрашиваете вы с ноткой сомнения в голосе.

— Разумеется, нет. Я бы не поехал в эту варварскую деревню за все сокровища мира.

— Ваше представление о жизни в этой стране немного... Неточное.

— А это важно? Разве вы не слышали, что наш новый Император всю жизнь глубоко презирает этих диких идолопоклонников? Я хочу, чтобы вы изобразили Атип именно так. Если мне понравится результат, то я щедро заплачу, а также замолвлю за вас словечко. Расскажу кому надо о вашем таланте.

— Вы платите, я рисую. Давайте подпишем контракт (230).

— К сожалению, вынужден отказаться (249).

212

Вы покидаете галерею в дурном настроении. Вспоминаете недавно услышанное суждение о том, что в наши дни художник должен лучше разбираться в коммерции, чем в искусстве. Вы с ностальгией вспо-

минаете времена, когда могли позволить себе больше творческой свободы. Теперь вы связаны волей сестры, договорами, поправками к договорам, а ещё должны всячески избегать скандалов, ведь сестра легко может перекрыть денежный поток. Тогда ваша простая, но в целом беззаботная жизнь окажется под угрозой. Благодаря семейному состоянию и авторитету родственницы, у вас появилось множество приятелей, и ни один из них не связался бы с «обычным художником». Продолжаете путь, всё глубже уходя в горькие мысли. Дома ждут только пустые комнаты и голые стены, однако именно там вы чувствуете себя в своей тарелке. В конце концов, там можно провести время с самым верным другом, единственным человеком, которого вы действительно цените и уважаете — с самим собой (257).

213

Всю зиму вы не торопясь пишете свою, пока ещё безымянную, картину. На самом деле, гораздо больше времени вы посвящаете изучению нового окружения. Жители Мегиддо охотно и доброжелательно отвечают на вопросы об их образе жизни, верованиях и «Старом Атипе», поглощённом песками пустыни. Местная религия основана исключительно на поклонении природе, образы двух верховных богов высечены в камне, а остальные пять божеств имеют скульптурные изображения, изготовленные с помощью особых ритуальных резцов. У богов нет имён, они скорее являются олицетворением сил жизни, смерти, плодородия и четырёх стихий. Вызывает интерес обычай свободных отношений — брачные обеты могут принести только пары старше тридцати лет. До этого возраста молодёжь, согласно неписаному закону, должна познавать искусство любви, а детей, рождённых в таких мимолётных «связях», зачастую отправляют на воспитание в храмы. Выходит, что их умы с рождения формируют жрецы, и сами они обычно становятся таковыми после окончания обучения. Духовенство Атипа — очень влиятельная каста,

поэтому неудивительно, что судьбы страны решает голосование в Совете сорока четырёх Великих Жрецов.

К концу весны вы готовы покинуть гостеприимный Атип (209). Картина закончена и продана, и вы раздумываете, не пора ли вернуться. Похоже, если задержаться здесь хоть ненадолго, то экзотическое очарование этих мест окончательно покорит вас. Тогда вы вполне можете остаться в этой стране на несколько месяцев или даже лет (220). «Кто знает, возможно, это не самая плохая идея», — думаете вы, прогуливаясь по живописным улочкам Мегиддо.

214

Продав несколько старых картин, вы привлекаете внимание потенциальных клиентов. Вы выделяетесь на фоне других прибывших из провинции художников, поэтому все ожидают, что вы вскоре представите работу, написанную прямо здесь, «в столичном духе», как выражаются коллеги по цеху. Несмотря на снегопад, зима не очень суровая — по крайней мере, вполне можно немного поработать на улице. Вы спрашиваете себя, что же стоит запечатлеть на холсте. В голову приходят сразу две противоположные темы. Первая — это изображение крайней нищеты, царящей в заснеженных, изгаженных мусором и нечистотами кварталах бедноты (245). На ваш взгляд, такая картина станет красноречивым символом некоего постоянного положения дел, независимо от того, кто восседает на троне. Вторая тема связана с великолепным, монументальным храмом, в котором до недавних пор служил первосвященник (216). Здесь находится бесценная сокровищница науки — Великая библиотека, и она содержит львиную долю знаний, накопленных и охраняемых священниками. Во времена Империи здание также служило исследовательским центром, хотя сейчас это скорее музей, где хранятся памятники былой славы. Вы идёте по мощёным улицам и размышляете о выборе темы, наслаждаясь свежим, морозным воздухом, который заметно приглушил обычный запах большого города.

215

Вы постепенно теряете поддержку вельмож, что негативно сказывается на вашем положении. Количество заказов резко падает, потенциальные клиенты явно предпочитают пользоваться услугами менее талантливых художников, которые «одобрены» именем кого-то из придворных кругов. Да, не так вы себе представляли столичную карьеру и даже задумываетесь о том, не стоит ли изобразить нечто такое, чтобы потрафить элите. Это может быть, к примеру, приятная для глаз картина, нашпигованная образами технократической пропаганды (203). Она, безусловно, поможет добыть средства к существованию, однако в мире всё имеет свою цену, и в данном случае это некое ограничение свободы творчества. Вы также можете отказаться от почестей и просто рисовать всё, что хотите (226). Увы, при нынешнем положении дел эта тропинка приведёт скорее на улицу, а не в галерею.

216

Ключ 14

Вы начинаете делать наброски к будущей картине и уже на раннем этапе решаете, что на холсте не будет ни одной человеческой фигуры. Вы хотите увековечить атмосферу пустого храма, утопающего в полумраке, а на заднем плане разместить дверь, ведущую в книгохранилище. Дни идут, работа продолжается, и произведение начинает обретать всё более чёткие формы. Вы не совсем реализовали свой замысел, и интерьер старинного здания не кажется совершенно заброшенным и забытым. Картина скорее напоминает предрассветный час, до того, как кто-то откроет двери и озарит всю сцену ярким светом дня. Следуя этой мысли, вы называете картину «Рассвет», и вскоре она приносит вам небывалую известность. Газеты пишут о «провинциальном гении», подчёркивая при этом, что символика произведения очевидна. По мнению журналистов, это наглядное проявление ожиданий всего общества, которое хочет

выйти из мрака и окунуться в солнечный свет. Соответственно, все критики подчёркивают технократические мотивы работы, а вы не отрицаете такую трактовку, предпочитая не привлекать к себе ненужного внимание (258).

217

Мужчина совершенно не ожидал внезапного нападения. Его самоуверенность мгновенно испаряется, когда он чувствует железную хватку вашей руки на своей шее. Правда, вы отпускаете его уже через несколько секунд, но несчастный всё же громко кашляет, с трудом переводя дыхание. Интересно, ему действительно стало плохо, или же всё это — игра на публику? Между тем, вокруг столпилось не меньше дюжины зевак, чьё внимание привлекла ваша свара. Среди них есть и охранник этого участка галереи, и он заявляет с угрожающей миной:

— Попрошу не устраивать суматоху! А ты, — он рычит и тыкает пальцем прямо в вашу грудь, — убирайся отсюда!

— Я автор этой картины! — сердито восклицаете вы.

— С таким поведением можешь продавать свою мазню на улице, а не в галерее! Никому не позволю затевать здесь кабацкие драки!

Охранник демонстративно берётся за рукоять притороченной к поясу деревянной дубинки. Вы решаете не провоцировать его и покорно покидаете здание, бормоча проклятия (244).

218

В тот же день вы покидаете Мегиддо. Жалко прощаться с Атипом, но вы уверены, что поступаете правильно. Если их строгие нормы не просто мёртвая буква закона, то художнику здесь делать нечего. Уж лучше терпеть ограничения творческой свободы со стороны

возможных покупателей в королевстве, которые руководствуются своими вкусами и предпочтениями, нежели подчиняться странным указаниям, спущенным откуда-то с небес. Вы размышляете о возможном возвращении в Атип в будущем, но понимаете, что это нереально. Без творчества вы долго не продержитесь, а врождённое чувство противоречия рано или поздно снова приведёт к желанию писать портреты. И всё же эта экспедиция не была пустой тратой времени — вы возвращаетесь с готовой картиной! Решаете оставить её себе, как своеобразный сувенир на память о поездке. Между тем, вы уже планируете следующий этап своего путешествия. Нечего засиживаться в Батере — вас ждёт столица (227).

219

Сотрудничество с технократами приносит ощутимую выгоду. Похоже, через пару месяцев все любители искусства и другие столичные художники будут знать ваше имя. За одну зиму здесь вы добились больше, чем за всю жизнь в Батере. Тем не менее, «роман» с императорским двором всё же напоминает ситуацию в родном городе. Там тоже многие хвалили вас только за то, кем была ваша сестра. Здесь её роль исполняют вельможи и придворные бюрократы. Хотя ваши картины действительно хороши, вас не покидает неприятное чувство, что даже если бы вы намалевали какую-нибудь ярмарочную мазню, в прессе её всё равно бы окрестили «откровенным взглядом на тему».

Между тем власть технократов укрепляется: начинаются первые аресты бывших (а иногда и нынешних) чиновников и королевских сподвижников, обвиняемых в повальных злоупотреблениях и растратах. Газеты упорно молчат об этом, хотя совсем недавно вы своими глазами видели, как отряд городской стражи уводил зажиточного купца, который, по вашим сведениям, был ярым сторонником предыдущего монарха. Вместо этого первые полосы ведущих изданий занимают новости о планируемой реформе публичных домов. Тема

борделей настолько взволновала население, что никто не обращает внимания на аресты, тем более, что забирают людей состоятельных. Всё это вдохновляет вас на написание картины, которая бы отразила ситуацию (205). Единственное, что мешает немедленно приступить к работе — это страх прервать свою череду успехов. Вообще-то люди понимают, что реформа публичных домов — отвлекающий манёвр, но никто не хочет говорить об этом вслух. Так может и вам лучше отказаться от своего творческого замысла (222)? Вы задумчиво смотрите на мольберт.

220

Ключ 19

Вы с некоторым сожалением отказываетесь от мысли о блестящей столичной карьере и решаете осесть в Мегиддо. К счастью, увлечённость новой для вас страной не даёт сокрушаться об упущенных возможностях. Кроме того, представляется шанс проявить себя в качестве наставника — вы встречаете молодую художницу по имени Силла. Вы с радостью делитесь с ней секретами мастерства и всего через пару дней проводите первую ночь вместе. Перебравшись в комнату, которую Силла занимает в семейном доме, вы чувствуете, что судьба наконец-то одарила вас счастьем. Целые месяцы проходят под знаком любви и работы над пейзажами. Ваши картины получают заслуженное признание жителей Мегиддо.

Блаженные, беззаботные дни сменяют друг друга, а тем временем на родине происходят большие изменения. Газеты утверждают, что всё меняется к лучшему, однако вы смотрите в будущее с некоторой тревогой. Казалось бы, в этом райском уединённом уголке бояться нечего, но вопреки доводам рассудка вас не оставляет одно неприятное ощущение. Похоже, та Отчизна, которую вы знали, скоро прекратит своё существование (253).

221

— Разумеется, я признаю и уважаю ваше право художника и творца. Вы вольны называть свою работу как угодно, но я считаю, что «Вспышка» звучит слишком нейтрально.

— Нейтрально? — переспрашиваете вы с лёгким раздражением в голосе.

— Да. Вы не высказываете своё мнение об этой сцене. Я понимаю, что здесь могут быть свои опасения, однако...

— Простите мою дерзость, — резко перебиваете вы. — А вы случайно не технократ?

— Да, и мне не стыдно за свои убеждения. Я коллекционирую картины, скульптуры и литературные произведения. Все мои покупки подчинены определённой идее, которую я вижу и в этой картине. На мой взгляд, она почти безупречна. Вот только название... Мелкий, но всё же огрех.

— Я не собирался восхвалять убийство.

— Ваш замысел не изменится. В условия сделки мы обязательно включим пункт, согласно которому я обязуюсь сообщать всем, что изначально картина называлась иначе.

— Вы истинный купец. Продумываете всё до мелочей.

— Обычное дело. Я действительно занимаюсь торговлей и нечасто бываю в Батере, хотя формально живу здесь. В любом случае — вас заинтересовало моё предложение?

— Да, я готов заключить сделку (233).

— К сожалению, вынужден отказаться (206).

222

Ключ 16

Полное подчинение воле властей вкупе с врождённым талантом приводит к тому, что вы буквально купаетесь в роскоши. В итоге вас окружает великолепный ореол выдающегося художника, о котором вы мечтали столько лет. Многочисленные связи гарантируют постоянный приток заказов, а доступ к самым лучшим материалам позволяет получить действительно яркие и выразительные цвета. Вы также проводите много времени за изучением работ старых мастеров, к которым у вас есть почти неограниченный доступ. Ваш покой омрачает только ощущение полной зависимости от заполонённого технократами двора. Более того — каждую неделю невидимая петля законов и постановлений, нацеленных на противников новой власти, затягивается всё туже. И вы прекрасно знаете: попасть в чёрный список Императора очень просто. Правда, художнику ничего не угрожает, пока он пишет портреты вельмож, однако вы опасаетесь реакции на другие работы. И вот, впервые в жизни, выбирая тему для своих картин, вы больше не думаете главным образом об эстетике. Размышляя о следующем проекте, вы прикидываете, а безопасна ли для вас эта тема. «Я похож на продажную девку», — грустно говорите вы себе однажды вечером, осушая большими глотками дорогое вино из серебряного кубка (253).

223

Очевидно, что если сейчас выставить картину на всеобщее обозрение, то вы своими руками разрушите фундамент успеха в столице. У вас нет никаких иллюзий насчёт творческой свободы в эти сложные времена. Её может себе позволить только тот, кто накопил достаточно денег. Богатого художника в худшем случае упрекнут в недостатке вкуса, а вот бедного за ту же работу заклеймят, как «обычного бузотёра, который хочет прославиться благодаря скандалу». Вы с сожалением оставляете «Публичный дом» в личном

архиве. «Будем дожидаться лучших времён», — с любовью обращаетесь вы к картине (222).

224

— Что ж, моё дело предупредить. До встречи.

Обиженный купец уходит, оставляя вас в растерянности. Неизвестно, правдива ли та картина Атипа, которую нарисовал собеседник. В конце концов, на улицах действительно говорят о неприязни технократов ко всем соседним странам, включая те, что некогда входили в состав Империи. Возможно, вам и впрямь стоит отказаться от мечты побывать в другой стране и отправиться прямиком в столицу (237)? С другой стороны, вопреки всем доводам рассудка, вам всё же хочется посетить страну, граница которой пролегает всего в двух днях пути от Батера. Близость Атипа соблазняет отказаться от привычного окружения и рискнуть погрузиться в совершенно чужую культуру (210).

225

Ключ 18

Вы воспринимаете возвращение в родной город как личное поражение, хоть и утешаете себя тем, что вовсе не отсутствие таланта стало причиной неудачи в покорении столицы. Тем не менее, вы не можете отогнать чёрные мысли, а по прибытии в Батер вам начинает казаться, что каждый случайный прохожий смотрит на вас с презрительным пренебрежением. Вы даже теряете тягу к рисованию и временно заменяете кисть на кувшин с вином. Это состояние длится недолго — вашу потребность в творчестве не залить целым морем алкоголя. Начинаете потихоньку работать над малозначительным пейзажем и одновременно с тревогой следите за новостями из столицы. Читая газетные статьи, вы испытываете некоторое облег-

чение. «Хорошо, что меня там нет», — бормочете вы себе под нос, погрузившись в мрачное изучение свежего выпуска общенациональной газеты (253).

226

С каждой прошедшей неделей плата за независимость растёт. Мало того, что вам больше никто не заказывает картины, так ещё и начались проблемы с продажей ранее созданных произведений. Чтобы сэкономить хотя бы немного денег, пришлось снять комнату на чердаке в худшем районе города. Так хотя бы можно позволить себе приемлемое питание и, что более важно, принадлежности для работы. Теперь вы творите для собственного удовольствия, а мрачные мысли отгоняете кистью. Всё чаще вы думаете о возвращении в Батер (225). Разумеется, такое решение вы считаете последним средством, а пока хотите любой ценой остаться в столице (228). Каждый вечер, выпив обязательную кружку мерзкого пива из местной корчмы, вы шёпотом повторяете — завтра будет лучше!

227

Хотя вы уже бывали в столице, огромный город с каждым разом впечатляет вас всё больше и больше. Высокие, богато украшенные здания возводили здесь с поразительным размахом. Тут всё ещё чувствуется монументальный дух и повсюду видны манифестации былой мощи. Империя любуется на самоё себя в этих величавых, подлинно великих постройках. Вы снимаете скромную комнату в одном из многочисленных доходных домов. Глядя сквозь маленькое окошко на оживлённую, хоть и заснеженную улицу, вы чувствуете прилив оптимизма. Остаётся надеяться, что он не окажется беспочвенным.

Ключ 13 — 211

Нет ключа — 214

228

Ключ 17

Сбережения тают с угрожающей скоростью, тем более, что вы не особо привыкли экономить. Вскоре вы вынуждены взяться за не слишком почётную, хотя и неплохо оплачиваемую работу уборщика городских улиц и общественных туалетов. Целые дни, проведённые в компании метлы, мусора, блевотины и нечистот, отнимают почти все силы для творчества, но вы не собираетесь бросать живопись. Обычно вы проводите вечера, набивая руку, экспериментируя с цветами, перспективой и изображением лиц. Раз у вас нет сил и времени рисовать, вы решаете по крайней мере развивать своё мастерство. «Ещё немного мучений, и я создам шедевр, — думаете вы иногда. — Потрясающий и символичный чёртов шедевр!» (253).

229

Вскоре выясняется, что принятое решение оказалось весьма выгодным. Человек, который производит впечатление богача, обратил внимание на вашу картину. Пока он стоит перед «Вспышкой», другие посетители бросают на него холодные взгляды и перешёптываются. Интригующий незнакомец без лишних предисловий называет цену, за которую готов приобрести картину. Речь идёт о небольшом состоянии, и ещё никто не предлагал вам такой суммы ни за одну из предыдущих работ.

— Это... довольно... щедрое предложение, — в замешательстве произносите вы.

— Так и есть. Но я куплю этот шедевр при одном условии.

— Каком? — подозрительно спрашиваете вы.

— Вам придётся официально поменять название картины на «Справедливость».

— Могу я узнать причину такой просьбы (221)?

— Воля ваша. Вы — покупатель (233).

230

Ключ 14

— Чудесно! — восклицает придворный бюрократ, театрально хлопая в ладоши.

Тут же составляется контракт и определяется ряд деталей, которые нужно включить в будущие произведения. Вы покидаете особняк вельможи в хорошем настроении. Вы только что приобрели ценного союзника, причём обошлись сравнительно небольшой «ценой». На мгновение вы вспоминаете жителей Атипа, но тут же выбрасываете эти мысли из головы. Вы ничего не должны этим людям, к тому же весть о клеветнических картинах вряд ли дойдёт до их страны. А даже если и так, что с того? «Каждый должен заниматься своим делом», — говорите вы про себя и успокаиваетесь. Сразу после возвращения домой приступаете к работе, результатом которой заказчик сможет насладиться менее, чем через два месяца.

Вы создаёте три картины с красноречивыми названиями «Дом», «Страна» и «Вера». Первая представляет собой запоминающееся изображение небольшой оргии с участием членов одной семьи. На втором полотне вы изобразили неказистые, небрежно возведённые дома с грязно-белыми стенами, запятнанными блевотиной и нечистотами. Последняя картина — это гротескное изображение обнажённых, измазанных грязью людей. Они ползут на коленях за деревянным столпом, который несут толстые жрецы. Заказчик просто очарован. Он осыпает вас комплиментами и золотом, с помпой организует выставку, зазывает на неё людей, чьи имена мелькают

на первых страницах газет. Они наперебой хвалят вас за выбор темы и снисходят до того, чтобы давать дилетантские советы по подбору цветов и композиции. Вы терпеливо ждёте окончания этой сходки богатых любителей искусства. «Вот она, цена славы», — грустно говорите вы себе самому, пробуя роскошные блюда и налаживая связи с потенциальными клиентами (208).

231

— Позволю себе усомниться, — презрительно говорит собеседник.

— Вас кто-то заставляет смотреть на мою картину? Здесь много других работ, и, быть может, одна из них удовлетворит ваше грубое и искажённое чувство прекрасного, — гордо парируете вы.

— Хам! — восклицает мужчина и быстро уходит прочь.

Вслед за ним удаляются ещё несколько зрителей, а оставшиеся реагируют на сцену аплодисментами. Вы благодарны за это признание, но подозреваете, что сегодня ещё столкнётесь с валом необоснованной критики. Вы подумываете о возвращении домой — в конце концов действительно заинтересованный покупатель всё равно найдёт вас (212). И всё же вы знаете, что стоило бы провести в галерее побольше времени (229). Полезно выслушать разные мнения о своей работе, даже те, которые высказывают идиоты.

232

Ключ 14

Вы продаёте несколько старых картин, которые много лет хранили как своеобразное вложение. Ваши работы вскоре привлекают внимание влиятельных ценителей искусства, а кроме того, торговец из Батера, который купил «Вспышку», возвращается в столицу и рассказывает всем о ваших потенциальных симпатиях

к технократам. В качестве доказательства правдивости своих слов он демонстрирует всем и каждому контракт о продаже и переименовании картины (258).

233

Ключ 12

— Прекрасно! — провозглашает незнакомец. — В таком случае давайте обговорим детали сделки в каком-нибудь укромном месте.

Выясняется, что таинственный покупатель — это исключительно богатый купец, который иногда заезжает в родной Батер между очередными торговыми экспедициями в соседний Атип. Вы также быстро обнаруживаете, что он ярый сторонник технократов, но готовы закрыть на это глаза, учитывая обещанную сумму. Вы заключаете сделку и возвращаетесь домой счастливым. Впервые за много лет удалось заработать кучу денег без какого-либо участия сестры. Вы собой довольны, очень довольны (257).

234

Вскоре выясняется, что для успеха в столице нужно иметь либо кучу денег, либо влиятельных друзей. Вы можете обрести покровителей, написав картину, которая покажет безоговорочную поддержку технократов (203). Конечно, в глубине души вы предпочитаете сохранять независимость (226). Здесь предстоит непростой выбор: продать свой талант сильным мира сего и таким образом добиться самостоятельности или же пробиваться к славе своими силами, рискуя потерпеть неудачу. Времена, когда можно было творить под защитой сестры, ушли безвозвратно. Теперь вы сами по себе и должны принять важное решение.

235

Невзирая на протесты возмущённого галериста, вы немедленно воплощаете свой план в жизнь и быстро покидаете галерею с картиной под мышкой. Вас провожают оскорблениями, которые, конечно, не лучшим образом характеризуют руководство выставки, зато привлекают взгляды любопытных. Вместо того, чтобы пойти домой, вы направляетесь к рыночной площади. Лучше выставить «Вспышку» на продажу, пусть вы и рискуете получить за картину жалкие гроши. Самопровозглашённая художественная элита Батера не оправдала ваших ожиданий, но, возможно, другие отнесутся к произведению с большим уважением. Действительно, не проходит и сорока пяти минут, а вам уже удаётся сбыть картину одному купцу. Более того, он тратит на неё небольшое состояние, вступив в ожесточённые торги с другим покупателем. На обратном пути вы заглядываете в галерею и выплачиваете её побагровевшему от ярости владельцу штраф за расторжение контракта. Вы вполне довольны собой и отправляетесь домой (257).

236

— Бездарный халтурщик! — перебивает вас собеседник и презрительно плюет на холст.

Вы не задумываясь отвечаете тем же самым, но целитесь в его лицо. Мужчина багровеет и дрожащей рукой стирает с лица слюну. По группе разносится явный ропот недовольства.

— Сволочь, — шипит оскорблённый зритель.

— Возмутительно, — произносит кто-то сзади.

— Да кем он себя возомнил?

— Требую сатисфакции! — гордо заявляет критик, всё ещё нервно потирая лицо. — Ах ты жалкий ублюдок!

Вы смерили его взглядом, чувствуя непреодолимое желание хотя бы на пару мгновений сжать пальцы на этой жирной шее (217). А впрочем, можно просто послать его к дьяволу (250). В конце концов, он всего лишь посетитель, а вы автор произведения.

237

Купив билет на поезд до столицы, вы отправляетесь в путь с небольшим багажом и запасом наличных. В день отъезда с тёмных грозовых облаков на опустевшие улицы Батера начинают падать первые снежинки. Мерный стук мчащегося поезда, этой замечательной, внушительной паровой машины, действует на всех успокаивающе. И всё же вы не вступаете с попутчиками в разговоры о превосходстве имперской технической мысли, а вместо этого внимательно разглядываете мелькающий за окном ландшафт бескрайних, травянистых равнин.

Добравшись до мегаполиса, вы сразу же снимаете комнату в мансарде, неподалёку от центра города. Местная атмосфера освежает, заставляя забыть о ленивом образе жизни в провинциальном Батере. Ещё при поиске квартиры вы наметили как минимум несколько зданий и сцен, которые хотели бы изобразить на холсте. Вы даже подумываете о том, чтобы сделать пару набросков. Однако все проекты отходят на второй план из-за более важных событий. На следующий день после вашего приезда столичная жизнь окончательно выходит из привычной колеи. Кесарь умер.

Как и все жители столицы, вы с некоторой опаской ждёте перемен, связанных с восшествием на престол лидера технократов. Однако царь-первосвященник не предпринимает никаких радикальных действий. Тянутся суровые зимние недели, а дела в стране идут так же, как и до смерти предыдущего монарха.

Пока лишь слухи о том, что с приходом весны настанет пора перемен, мешают некоторым обывателям спать спокойно...

Ключ 12 — 232

Нет ключа — 214

238

Ключ 13

— Только через мой труп! — воинственно восклицаете вы и вскакиваете с кровати.

Двое мужчин тут же сбивают вас с ног, а ваш собеседник (по-видимому, их командир) молча выходит в коридор. Через мгновение он возвращается с толстой палкой, которую, похоже, заранее оставил под дверью. Он заявляет сухим и деловым тоном:

— Ты подвергнешься наказанию за нарушение закона. Учитывая твоё происхождение, наказание будет более мягким, чем повелевает традиция. Приговариваю тебя к десяти ударам по пяткам, и да свершится закон!

Мучители крепко связывают вас по рукам и ногам, соединяя их вместе верёвкой, так что вы вынуждены сидеть на жёстко зафиксированных пятках. «Десять ударов — это не так уж много», — наивно размышляете вы, пока на вас не обрушивается первый удар. Мучительная боль распространяется по всему телу так быстро, что сначала вы не можете даже закричать, а издаёте лишь протяжный глухой стон. В следующий раз вы уже вопите во всё горло. Вы настолько отупели от боли, что не чувствуете, как узы ослабевают, а истязатели молча выходят из комнаты, унося с собой картину. Вы не привыкли к боли, и она мучает вас с удвоенной силой, терзая не только тело, но и дух. Лишь через несколько часов удаётся подняться и встать на ноги, но это причиняет вам невыразимые мучения. Вы с трудом собираете свои пожитки, а затем, смирив гордость, умоляете трактирщика найти место в ближайшем торговом караване до Батера.

Вы не собираетесь надолго задерживаться в родном городе и просто набираетесь сил для очередного путешествия. Вы одинаково устали и от провинциального пограничья, и от экзотических стран. Пришла пора окунуться в атмосферу «сердца мира», и вы отправляетесь в столицу (227).

239

Ключ 14

Вы с сожалением отказываетесь от идеи поделиться своей картиной с миром. «Может, оно и к лучшему?» — думаете вы, пытаясь убедить самого себя в том, что поступили правильно. Чтобы избавиться от этих раздумий, вы с головой погружаетесь в работу над новым произведением. На этот раз решаете попробовать свои силы в изображении более динамичной сцены. Руководствуясь скорее коммерческими, чем творческими соображениями, вы выбираете в качестве места действия железнодорожный вокзал. Делаете все необходимые наброски и несколько недель пишете прибывающий на станцию поезд. Клубы пара от мощной машины окутывают ожидающих это чудо техники пассажиров. Здесь можно увидеть своеобразный срез всей общественной пирамиды столицы. Вы считаете, что воплотили интересный замысел и лишь на последних этапах работы вспоминаете, когда именно слышали обещание равенства для всех путешественников. Перед глазами встаёт фигура Омеля, который обращается к толпе в рабочем квартале. Нет смысла перерисовывать почти готовую картину, и вы нехотя оставляете этот явный технократский элемент без изменений.

Как вы и предполагали, картину под названием «Прибытие будущего» принимают с необыкновенным воодушевлением. Публика расточает похвалы не только вашему мастерству, но и выбранной теме. Все обсуждают «красноречивый символ благородной идеи равенства», а вы, против воли, становитесь живописцем с «правильными убеждениями» (258).

240

Вы думаете, что нужно непременно запечатлеть выразительные лица жителей, а вернее — жительниц города. Их смуглая кожа в сочетании с полными светлыми губами и угольно-чёрными глазами производит неизгладимое впечатление. Вы запираетесь в тёплой комнате, за окнами которой постоянно сыплется белый пух, и рисуете женский портрет. Он представляет собирательный образ встреченных вами красавиц. Творить без модели сложно, и вы периодически выбираетесь из гостиницы, чтобы посмотреть на примечательные лица, из которых и составляете свой портрет.

Вот уже больше месяца вы прожили в Мегиддо, неспешно чередуя творческий труд с изучением города и местных развлечений. Наконец произведение закончено, и пусть у него ещё нет названия, возникает соблазн показать картину хоть кому-нибудь, например, хозяину гостиницы (254). Вы знаете, что это не очень хорошая идея, и следовало бы отказаться от неё (202), однако картина стала частью вашей души, и вы чувствуете настоятельную потребность предъявить её миру.

241

Ключ 15

Публика на заднем плане начинает перешёптываться, награждая побледневшего охранника неприязненными взглядами. Похоже, вы сами того не зная, вскрыли его тайные симпатии.

— Ты заплатишь мне за это, — цедит сквозь зубы разъярённый мужчина. — Когда мы придём к власти, узнаешь, почём фунт лиха.

Что-то в выражении его лица подсказывает вам, что лучше прекратить скандал и вернуться домой. Так и поступаете. Вы терпеливо ждёте окончания срока аренды места в галерее и тем временем получаете несколько заманчивых предложений о продаже картины. Хотя гонорар оказывается меньше обычного, вы всё равно горди-

тесь собой. Всё-таки вы сами довели дело до конца, а не побежали к сестре за помощью (257).

242

— Атип? — переспрашивает удивлённый собеседник с плохо скрываемым пренебрежением. — Это пустая трата времени, денег и вашего таланта.

— Вы ведь бывали там?

— Конечно, и я бы не стал повторять слухи. Ездил туда несколько раз. Жители этой нелепой страны — дикари, если судить по умственному развитию. Правда, они используют технику, но их чертежи в основном куплены или беззастенчиво скопированы с наших. Зато они любят падать ниц перед деревянными и каменными истуканами. Более того, там нет никакой творческой свободы. Они запрещают изображать людей в произведениях искусства. Если хотите писать одни пейзажи, то счастливого пути.

— Похоже, вы их не слишком уважаете.

— Ну разумеется, нет! Признаюсь вам, что когда-то был очарован Атипом, как, возможно, и вы сейчас. Но я был молод, наивен, и избавился от юношеских иллюзий, когда увидел их жизнь собственными глазами. Их философия — это вера в бессмертие, а своё существование они считают даром неких «богов». Это фанатики, а хуже всего то, что у них находятся последователи в королевстве.

— Благодарю за совет, но я пока не готов отказаться от мысли о путешествии, — вежливо отвечаете вы (224).

— Меня не волнуют их убеждения, но если они ограничивают свободу творчества, то лучше и правда забыть об этой поездке (255).

243

Вскоре все газеты усердно повторяют новость о «скандальной, непристойной картине, за которой стоит повреждённый развратом рассудок». Ваш «Публичный дом» немедленно осуждают почти все видные критики города, а клиенты тут же отменяют заказы, даже если работы уже готовы. Художественный мир столицы отвернулся от вас с таким омерзением, словно вы распространяете смертельную и очень заразную болезнь. Вы спокойно воспринимаете происходящее, смирившись с горькими последствиями осознанного решения. В последнее время вы подумываете о возвращении в Батер (225), хоть и предпочли бы остаться в столице (228). Правда, здесь вы можете быстро обнищать без заказов. Несмотря ни на что, вы рассматриваете свою работу с глубоким удовлетворением. Да, её осуждают, но и забыть наверняка не смогут. По крайней мере, вы искренне в это верите.

244

«Верх наглости, — разъярённо твердите вы про себя. — Выгнать меня с выставки. Меня!». Вас трясёт от злости, и вы быстро шествуете прямо посередине улицы, грубо расталкивая всех, кто встаёт на пути. Внезапно вы останавливаетесь, поражённый только что пришедшей в голову мыслью. Возможно, стоит вернуться (246)? Если они действительно попытаются применить силу, то могут подвергнуться судебному преследованию за нарушение личной неприкосновенности. Как близкий родственник владелицы крупных городских заводов, вы бы выиграли процесс, даже не успев переступить порог суда. Но не принесёт ли это решение больше вреда, чем пользы? Ваша репутация может пострадать, а далеко не каждый станет покупать картины у скандалиста. Может, стоит отказаться от этой затеи (212)?

245

Менее, чем за две недели напряжённой, почти безумной работы вы заканчиваете картину, которую называете «Непрерывность». На ней изображена сгорбившаяся под тяжестью охапки хвороста старушка, которая бредёт по ночной улице, заполненной нищими. Все краски тёмные, преобладает гнилая зелень одежд, серость стен и чернота теней, пролегающих в мрачной местности. На одной из стен висит потрёпанный, выцветший плакат, извещающий о коронации первосвященника. Смысл произведения ясен: несмотря на большие политические перемены, люди из третьесортных кварталов бедноты живут по-прежнему. Вы показываете свою работу художнику, прибывшему из провинции, с которым познакомились совсем недавно. Он долго рассматривает картину и наконец заявляет:

— Мои поздравления. Это настоящее искусство.

— Спасибо, — отвечаете вы, изо всех сил пытаясь продемонстрировать скромность.

— Но я должен сказать: если ты хочешь жить за счёт своего мастерства, забудь о выставлении этой картины на всеобщее обозрение. Сделаешь нечто подобное — и дорога ко двору будет закрыта навсегда. Останется лишь малевать что попало для купцов и нуворишей. Таков мой совет, однако ты можешь поступать, как считаешь нужным.

Вы несколько дней обдумываете слова товарища по ремеслу, прекрасно понимая, что он прав. Если вы действительно мечтаете зарабатывать хоть что-то своим трудом, то лучше отказаться от публичного представления «Непрерывности» (239). Вместо неё можно изобразить нечто более популярное, скажем, действующую паровую машину. Что-то в этом роде поможет заслужить признание заправляющих в городе технократов. Мысли об этой фракции преследуют вас с тех пор, как вы посетили их сборище. Похоже, ваши пути переплелись каким-то непостижимым образом. Вы просто не знаете, стоит ли следовать за этой нитью или же оборвать связь

раз и навсегда. Тогда вы сможете представить свою последнюю работу (204).

246

Вы уверенно входите в галерею и сразу же замечаете угрожающее лицо того охранника, который недавно выпроводил вас. Этот противный человек подходит к вам и говорит примиряющим тоном:

— Да ладно вам. Неужели кому-то нужна такая огласка?

— Я имею право находиться здесь.

— Это нигде не записано. А вот я имею право удалить любого, кто доставляет неприятности, и запретить вход на срок до семи дней. Вы можете прийти завтра, а сегодня отдохните.

— Исключено. Художник должен быть рядом со своим произведением в день премьеры.

— Давай, выметайся, приятель, — просит охранник, мягко подталкивая вас к выходу. — Не создавай проблем ни мне, ни себе.

— Хорошо, я уйду без скандала, — мрачно отвечаете вы (212).

— Убери лапы! — кричите вы во весь голос. — Ты троглодит, ты... Проклятый технократ!

Это первое «оскорбление», которое приходит вам в голову (241).

247

— Хорошо, я сделаю это, — отвечаете вы. Честно говоря, вы готовы заплакать. — Пусть лучше картину уничтожит рука, которой она обязана своим существованием.

— Слова настоящего художника, — замечает незнакомец. — Мы рады, что ты уважаешь наш закон. Поэтому мы предлагаем тебе спасти эту богохульную работу. Ты можешь немедленно покинуть

Атип и вернуться в свою страну (260). Или оставайся, если уж так хочешь. Но тогда придётся уничтожить картину (259).

248

Как вы и предполагали, управляющий галереей не хочет соглашаться на досрочное снятие картины. Он возмущён вашим предложением, но тем не менее тактично добавляет:

— Разумеется, мы можем перенести вашу работу в другую часть здания. Например, в особую секцию, куда не допускаются люди с улицы. Это место предназначено только для покровителей искусства.

— С тем же успехом я мог бы пригласить меценатов и устроить показ у себя.

— Картина останется здесь на ближайшие три недели. Мы связаны контрактом, сударь.

— В таком случае я явлюсь за своей работой, как только истечёт срок. А до тех пор — прощайте, — говорите вы сквозь зубы (212).

— Я с радостью заплачу положенный штраф. А теперь извините, но я отправляюсь за своей «Вспышкой» (235).

249

— Так я и знал. У вас, художников, странный взгляд на мир, а ведь я предлагаю вам нечто большее, чем золото и славу. Вы действительно благожелательно настроены к людям, которые испортили вашу картину? Не говоря уже о физическом вреде.

— Это правда, но... — вы умолкаете, на находя аргументов в поддержку своей позиции.

Собеседник замечает это, усмехается и перехватывает нить разговора.

— Видите ли, вам мешает одно самое обычное чувство. Назовём его порядочностью. Благородно, но непрактично. Я же думаю, что людям надо платить той же монетой. Вот это справедливо.

— Конечно, вы по-своему правы, — неуверенно говорите вы.

— Я говорю прямо: мне нужно получить эти картины, а вы идеально подходите для их написания. Я был бы разочарован необдуманным отказом. Очень разочарован.

— Понимаю... Что ж, я к вашим услугам (230).

— Человек не всегда получает то, что хочет (207).

250

— Убирайтесь! — громко говорите вы.

— И не подумаю! — собеседник явно в гневе. — Что за наглость! Этот жалкий мазила считает себя хозяином вселенной!

— Художники слишком много себе позволяют, — добавляет кто-то из публики.

— Так и есть! — поддерживает целый хор голосов.

Среди возмущённых зрителей вы замечаете знакомое лицо. Это молодой, якобы одарённый художник, яростный враг реализма. Сердито поджимаете губы — у вас нет никакого желания тратить время и нервы на праздные дискуссии с бездарностью. А стоило ли в принципе выставлять картину на всеобщее обозрение? С тем же успехом можно связаться с известными городскими коллекционерами и устроить для них частный показ вместе с аукционом (248). Конечно, это возможно, если галерист согласится расторгнуть контракт, ведь такие вещи сказываются на имидже выставочного зала. Обычно люди делают вывод, что художник счёл данное место неподходящим для эксклюзивного показа. Есть и менее противоречивый вариант — оставить картину на месте и подождать несколько недель. Вы же могли бы отправиться домой и немного отдохнуть

от доморощенных искусствоведов (212). Наконец, можно потерпеть и задержаться в галерее на какое-то время (229).

251

В холодный осенний вечер решительный стук в дверь вырывает вас из задумчивости. Неохотно приоткрываете смотровое оконце и с удивлением видите торговца, который недавно купил «Вспышку», или точнее «Справедливость». Вы приглашаете мужчину в дом, однако он сообщает, что заглянул ненадолго, и дружелюбно говорит:

— Я только что вернулся из столицы. Думаю, вам стоит поехать туда немедленно. Реализм переживает величайший триумф в своей истории, и художники, гораздо менее одарённые, чем вы, зарабатывают состояния на портретах и городских пейзажах. С вашим видением вы обретёте славу, так сказать, в мгновение ока!

— Благодарю за участие, — осторожно отвечаете вы. — Но, собственно...

Вы резко меняете тон на более дружеский:

— Если честно, я и сам думал об отъезде. Этот город мне противен.

— Тем более советую отправиться в путь как можно скорее, желательно ещё до зимы.

— Пожалуй, я воспользуюсь вашим советом (255).

— Я также думал о возможной поездке за границу. Атип совсем рядом, и, кажется, это довольно спокойная страна (242).

252

Целый день проходит в нервном, но тщетном ожидании. Никто не приходит. В раздражении вы выпиваете бутылку вина и ложитесь спать. Перед сном вы продолжаете размышлять, примут ли в отношении вас какие-то меры. Может, запрет на портреты — это скорее

некий обычай, чем строгий закон? Или же страх навредить подданному королевства удерживает местных правителей от наказания? Во всяком случае, пока ваша выходка не имеет каких-то негативных последствий.

На рассвете, когда вы ещё дремлете, вас жестоко вырывают из мира снов. Суровую реальность воплощают трое высоких мужчин. За их спинами маячит трактирщик, который держит подсвечник и грустно качает головой. Один из визитёров снова трясёт вас, наконец возвращая в полное сознание. Без лишних церемоний он заявляет:

— Ты нарушил наши законы, чужеземец. Своей картиной ты оскорбил богов. Уничтожь её здесь и сейчас (247), или нам придётся сделать это самим (238).

Вы бросаете на собеседника гневный взгляд и лихорадочно соображаете, что ответить.

253

Проходят весна, лето, осень, зима, и вот вновь распускаются почки, наступает летний зной, а вместе с ним приходят и фундаментальные преобразования. Последние месяцы изменили Империю: теперь власть технократов абсолютна, а её гарантом выступает царь-первосвященник. В шестой день шестого месяца — эта дата войдёт в историю — из омута веков восстаёт держава с гораздо более славным именем, как считают некоторые. Империя возрождается, и её всемогущий Император доводит до мрачного конца кампанию ненависти, начатую ранее в этом году. Вернее, он направляет её за пределы страны. Несколько месяцев выдвигаются разнообразные претензии к приграничному Мегиддо. Во времена восстания Атипа его народ прибыл на королевские земли из своей поглощённой пустыней страны в надежде начать всё заново. Тогда Павший Город стал первым приютом для беженцев. Теперь, спустя почти шесть столетий, облик заваленной обломками и щебнем долины

изменился до неузнаваемости, и она служит убежищем для изгоев всех мастей. Тем не менее многие хотят вернуть эту местность в лоно Империи. Город имеет особое значение для обеих наций. Пришельцы из пустыни считают его символом возрождения на новых землях, а имперские историки напоминают, что именно там Гриф, первый царь-первосвященник и основатель Империи, вступил на путь, который привёл его на престол.

Время разговоров прошло — по всем городам Империи гуляют тревожные вести о том, что Император Хаурес планирует захватить Мегиддо силой.

Действительно, в двадцатый день шестого месяца первые отряды Империи переходят границу Атипа. Началась война...

Перейдите к Главе 3 («Эпилог»)

254

Хозяин рассматривает принесённую картину с явным отвращением, но тщательно подбирает слова, пытаясь выразить своё мнение.

— На первый взгляд, это прекрасная работа. В королевстве к ней бы наверняка выстроилась очередь из покупателей. У нас же создание таких... произведений... не допускается. Это проявление богохульства, ведь только боги имеют право на изображение. Человек, желающий запечатлеть облик другого человека, обманывает время, отвергает быстротечность. А это грех.

— Да, знаю. Я кое-что слышал об этом.

— Тем хуже! Вы сознательно нарушили закон. Я должен подчиняться правилам нашего общества, а не служить за ваше золото. Пожалуйста, отошлите картину в вашу страну, или вам придётся уехать самому.

— Почему? Я ведь показал её только вам, хозяин.

— Я уже сказал, что не смогу сохранить увиденное в тайне. Уничтожьте изображение или отправьте его к себе домой.

— Как-то раз я уже посылал картину почтой, и в итоге её испортили.

— В таком случае прошу вас — уезжайте. Я верну вам внесённую вперёд плату.

— Посмотрим, — упрямо отвечаете вы.

Вы оставляете перепуганного собеседника и вместе с картиной возвращаетесь в свою комнату, сожалея, что вообще вытащили её на свет. Может, действительно стоит покинуть Атип (218)? Или лучше остаться и подождать развития событий (252)?

255

— Талант и здравый смысл, — с улыбкой говорит купец.

— Скорее, прагматичный расчёт. Я бы не поехал туда, где мне станут диктовать, что можно рисовать, а что нет.

— Именно. В столице у вас будут идеальные условия для работы. Вдобавок мы, технократы, уже прижали там эту аляповатую абстрактную чушь. Картины должны выглядеть как картины, а не отрыжка на мостовой.

Вы лишь молча киваете, размышляя о том, как преследуют другие стили в искусстве.

— Увидимся в столице, — говорит на прощание купец, направляясь к двери.

Вы провожаете его взглядом, прикидывая, когда сможете отправиться в путь. Вы искренне надеетесь быстро сколотить состояние и поселиться где-нибудь за городом. Вполне возможно, очень скоро предметом критики станет не только стиль, но и тематика картин. Если дойдёт до такого, то, как это ни парадоксально, в «языческом» Атипе можно будет обрести большую свободу, чем в вашей просвещённой Отчизне (237).

256

Кажется, сама судьба благоволит вашим планам покинуть Батер. Знакомый торговец картинами недавно вернулся из столицы и настоятельно советует обосноваться именно там (237). Говорят, для способных художников-реалистов настало золотое время. Технократы уже освоились в городе и при дворе, а многие из них глубоко презирают любые проявления абстракции и в то же время очень щедро платят за городские пейзажи и портреты. По словам этого человека, достаточно просто нарисовать что-то, совпадающее с философией технократов, например обратиться к временам Империи, изобразить пролетариат за работой или хотя бы достойного священника. Тогда, как говорится, золото сразу польётся рекой. Возможно, торговец преувеличивает, но факт остаётся фактом: на прошлой неделе несколько второсортных рисовальщиков из Батера спешно устремились в столицу. Возможность добиться успеха в великолепном мегаполисе льстит вашему самолюбию, но вы также серьёзно подумываете о путешествии в соседний Атип (210). Возникшее во время зарождения Империи небольшое государство всегда чем-то привлекало вас. Насколько вы знаете, живущие там люди, несмотря на достаточно высокий уровень культурного развития, до сих пор верят в неких бессмертных существ, именуемых богами. Сомнительно, что художник найдёт там верный заработок, однако, возможно, посещение этой близкой и в то же время крайне экзотической страны вдохновит вас на создание чего-то необычного. Для вас гораздо важнее создавать отличные картины, чем иметь крышу над головой и трёхразовое питание.

257

За несколько недель жизнь в Батере понемногу налаживается. Надвигающаяся зима занимает умы беднейшей части горожан, богачи же как всегда заняты приумножением своего состояния, интригами и развратом. Вы наблюдаете за происходящим с пол-

нейшим равнодушием, как будто толстое стекло, заглушающее звуки и чувства, отделило вас от реальности. Вы ничего не рисуете, а лишь набиваете руку на мрачных набросках. С каждым днём чувство обособленности становится всё сильнее, а равно и желание отделить себя от места, где вы провели всю свою жизнь. Вы хотите покинуть этот город, уехать как можно дальше отсюда. Между тем застой повседневности прерывают новости из столицы, внушающие некоторым тревогу. Физически и политически ослабевший кесарь объявил во время своей официальной речи, что в случае его смерти или тяжёлой болезни страну возглавит его «дорогой друг и великий государственный деятель, первосвященник Хаурес». Люди на улицах с ужасом говорят о неминуемой победе технократов, которые уже сейчас обещают расправиться со всеми прежними противниками как реальными, так и предполагаемыми.

Ключ 12 — 251

Нет ключа — 256

258

Хотя вы не слишком довольны таким поворотом дел, но неохотно признаёте, что благодаря этой шумихе удалось получить несколько действительно выгодных заказов. В основном это модные в последнее время анфас-портреты, изображающие фигуру человека по плечи. Вашими клиентами становятся новоявленные придворные и чиновники, которых первосвященник набирает в больших количествах, пусть и без особой огласки. Таким образом он избавляется от старых кадров, чья верность для него довольно сомнительна. Вы меняете простую квартиру в обычном доме на роскошный двухэтажный коттедж неподалёку от дворца, который часто навещаете, допоздна работая над очередным заказом. Гуляющие при дворе слухи заставляют поверить в то, что с приходом весны действительно намечаются революционные изменения. Неизбежно приближается

время воплощения всех, даже самых радикальных, мечтаний технократов (208).

259

— Ладно, я уничтожу свою работу. Честно говоря, мне ещё не приходилось делать ничего подобного.

— Мы ценим это решение. Всегда приятно видеть уважение к нашим законам и традициям.

Вы забираете у трактирщика подсвечник и устанавливаете картину на мольберт. Руки судорожно дрожат, но вы всё равно подносите пламя к холсту. Стихия поглощает ваше творение с поразительной яростью. Прекрасное лицо созданной вами женщины трескается темнеет и исчезает в ярком всполохе, оставляя после себя только пепел. В комнате царит гробовая тишина, и лишь трактирщик, повинуясь многолетней привычке, тщательно убирает остатки картины. Вскоре вы остаётесь в одиночестве и с сожалением смотрите на пустой мольберт. Как ни странно, вы думаете не о потерянной работе, а скорее о том, как заполнить образовавшуюся пустоту. Нужно немедленно начать писать новую картину (202).

260

— Я уеду, — коротко отвечаете вы.

— В таком случае ты должен покинуть город до заката.

Визитёры уходят, оставляя вас наедине с мрачными размышлениями. Пребывание в Атипе закончилось совершенно неожиданно и гораздо раньше, чем ожидалось. Вы смотрите на прислонённую к стене картину, и на обеспокоенном лице появляется широкая улыбка. «Оно того стоило, — шепчете вы. — По крайней мере я заберу с собой частицу этого места» (18).

Глава 3

Эпилог

Если записан Ключ 16, перейдите на 311

Если записан Ключ 17, перейдите на 321

Если записан Ключ 18, перейдите на 325

Если записан Ключ 19, перейдите на 315

301

После оформления документов, свидетельствующих о временном зачислении в армию, всех столичных художников направляют на спецподготовку. Вам сообщают, что после битвы (предположительно, победоносной) вашей задачей будет увековечить этот триумф на холсте. Пока же вы, как и все остальные, должны пройти курс молодого бойца. Появляется смутное предчувствие, что, несмотря на все заверения, вас отправят в район грядущих боевых действий.

Когда творческий отряд доставляют в Батер на специально забронированном поезде, вы понимаете, что опасения подтвердились. Оттуда вы маршем идёте к Мегиддо, встречая по пути другие группы солдат. Теперь можно не сомневаться: «корпус военных декораторов» — это не что иное, как приманка для наивных художников, которые уклоняются от участия в войне. Вероятно, их всё равно бы не призвали из-за непригодности к службе, а так они по собственному желанию отправились на фронт.

Вы всё чаще рассматриваете возможность дезертирства (303), хотя этот шаг столь же рискован, как и участие в штурме Мегиддо (321). Если попадётесь, вас ждёт многолетнее заточение, а может, и военный трибунал с расстрелом на месте. Увы, здесь талант живописца не имеет ни малейшего значения. Поспешно вступив в армейские ряды, вы отдали свою жизнь в чужие руки.

302

— Оставьте её, ублюдки! — кричите вы, бросаясь на ближайшего солдата.

Вам удалось застать противника врасплох, и удар приходится прямо в лицо. Увы, рука художника — не самое сильное оружие. Вас бьют прикладом в живот, а разъярённый солдат орёт, вытирая кровь из сломанного носа:

— Ты же наш, сволочь! Не заставляй меня убивать своего! Так печёшься об этой девке? Хорошо! Мы её не тронем. Никто её не тронет!

Солдат вскидывает винтовку и несколько раз стреляет прямо в грудь Силлы.

— А теперь ты пойдёшь с нами, предатель, — гордо заявляет убийца и сбивает вас с ног мощным ударом приклада.

Вы приходите в себя только под вечер и понимаете, что оказались в городской темнице, где вам предстоит провести ночь. В камеру никто не заходит, не требует никаких объяснений. Утром вы присоединяетесь к остальным заключённым, пораженцам и дезертирам. Вас сгоняют на главную площадь разрушенного города. Вы долго слушаете гневную, обвинительную речь какого-то фанатика в форме, возможно, коменданта захваченного Мегиддо. Наконец он доходит до приговора. Вся группа из двадцати человек подлежит немедленной отправке на каторгу. Вы получили пять лет исправительных работ в горном карьере, где-то на севере Империи. Дело решено. Здесь закон воплощает один человек, и спорить бессмысленно. Вас отвозят в Батер, а оттуда грузовым поездом отправляют на север.

Годы изнурительной работы разрушают не только ваше тело. Долгие месяцы вы жили как в раю, и вдруг всё закончилось ссылкой, каторгой. Вы чувствуете, что теряете рассудок. Каждый день своего срока вы твердите себе, что вам здесь не место. Порой реальность почти ускользает, и вы не можете вспомнить, что было вчера. Впрочем, любой день проходит в полубессознательном трансе за механической и тяжёлой работой. Наконец вы обретаете свободу

и даже получаете какие-то гроши за свой каторжный труд. После заключения вы явно не в себе, и путешествие через всю страну лишь усугубляет это состояние. Вы оказываетесь в каком-то городке на южной границе и решаете начать жизнь с чистого листа.

Вы добываете хлеб насущный, работая на фабрике, а редкие свободные минуты посвящаете живописи. На ваших мрачных, безумных полотнах изображены странные конструкции из трупов людей и животных, бескрайние песчаные пустоши и причудливые размытые пейзажи с кровавыми водопадами в ночной тьме. После долгих лет унылого одинокого существования вашу жизнь резко обрывает взрыв парового котла. В снятом вами подвале обнаруживают картины, и никто не считает их произведениями безумца. Напротив, все подчёркивают исключительную самобытность вашего гения. Эти работы породят новый стиль в искусстве. Его тревожный символизм без слов рассказывает о страхах, которые пожирали людей вашей эпохи. Вы не узнаете о том, что сбылась ваша мечта: вы всё же стали одним из выдающихся живописцев всех времён. Посмертная слава озаряет забытого при жизни художника.

▾ *Концовка: Посмертный триумф*

303

Вы терпеливо дожидаетесь сумерек, всячески пытаясь скрыть терзающие вас сомнения. В полночь вы быстро выбираетесь из лагеря и, миновав не слишком-то озабоченных несением службы караульных, скрываетесь во мраке.

Вы поспешно покидаете окрестности Мегиддо и направляетесь на восток, вглубь Атипа. Вы бредёте в основном по ночам — одинокий солдат без гроша в кармане на грани нервного срыва. Встреченным людям вы честно рассказываете, что дезертировали, и хотя вас не встречают с распростёртыми объятиями, но по крайней мере часто дают что-нибудь из еды. Далеко на восточных рубежах страны, на краю обширной пустыни, вы узнаёте новость о падении Мегиддо

и прекращении боевых действий. Ценой отказа от притязаний на город правители Атипа избегают дальнейшего кровопролития. Оказывается, город пал в первый же день штурма, и атакующие заплатили за эту победу значительными потерями. Зная строгую, бездушную дотошность чиновников своей Родины, вы уверены, что о вашем дезертирстве уже сообщили куда следует. Нравится вам это или нет, но ваше изгнание должно продолжаться. Вы решаете относиться к этой вынужденной и, хотелось бы верить, временной эмиграции как к своеобразному познавательному путешествию.

Три года вы странствуете по Атипу, а затем отправляетесь дальше на восток. Присоединившись к каравану паломников, вы добираетесь до самого сердца пустыни, где находите временное пристанище в последнем городе Старого Атипа. Он наполовину засыпан песком, но всё ещё пригоден для жизни. Именно отсюда предки нынешних жителей отправились в путешествие на запад, к покинутому городу Мегиддо. Почти три десятилетия вы бродите по миру пешком, с протянутой рукой. Избегая родные земли, вы посетили многие города и страны, видели множество природных чудес и чудес, созданных руками человека. Когда наконец тоска по Родине и творчеству пересиливает потребность в странствиях, вы отправляетесь в Батер.

Ваше здоровье подорвано годами невзгод, и вы умираете всего через три года после возвращения в родной город. Однако за этот довольно короткий промежуток времени вы создаёте серию картин, которые потомки однозначно признают шедеврами. Хотя вы умираете в крайней нищете, в окружении одних только холстов, вы не считаете свою жизнь растраченной попусту. Воспоминания о том, что вы видели и пережили скрашивают ваши последние минуты в этом мире. А возможно, вы каким-то образом чувствуете, что хотя вы сами уходите в небытие, память о ваших произведениях останется навсегда.

▾ *Концовка: В пути*

304

Ещё раз посмотрев на обеспокоенную женщину, вы дрожащей рукой подписываете бумагу.

— Благодарю за сотрудничество. Вы не подлежите призыву в силы обороны. Мы понимаем, что вы не станете с лёгким сердцем стрелять в соотечественников. Просто оставайтесь здесь, заприте двери и защищайте свою женщину.

— Думаете, они пробьются сквозь стены? — с тревогой спрашиваете вы.

Чиновник кивает и, помолчав, уходит. Вы на весь день остаётесь дома, обретая мимолётный отдых от реальности в объятиях возлюбленной. Ночью вы почти не спите и нервно прислушиваетесь к уличному шуму. Неутомимые защитники города возводят баррикады. Вы зажигаете свечу и при тусклом свете рассматриваете старый выцветший документ, в котором говорится, что вы гражданин королевства. У вас пока не было возможности заменить его на новый, имперский, но хотелось бы верить, что этот клочок бумаги всё же сможет защитить вас с Силлой от вражеских пуль. «Вражеских? — весело переспрашиваете вы про себя. — Предполагается, что я сейчас среди врагов». Вы тихо вздыхаете, гасите свечу и возвращаетесь к кровати.

Рассвет приносит с собой оглушительный грохот артиллерийского обстрела. Разрывы гремят почти четверть часа к ряду, предвещая скорый штурм. Неужели агрессор приготовил огромное количество пушек или изобрёл какой-то новый способ перезарядки? Так или иначе, на стены Мегиддо обрушился шквал снарядов, внушая ужас всем горожанам. У вас же есть только примитивный однозарядный пистолет с кремнёвым замком. Вооружившись им, вы устраиваетесь на стуле и целитесь в дверной проём. У ваших ног съёжилась Силла, а за спиной — мольберт с наполовину законченной картиной. К сожалению, ваш дом расположен поблизости от городской стены, так что захватчики, наверное, быстро доберутся до вас. Однако вопреки всем опасениям, ни один незваный гость

не объявится в следующие три часа. Затем артиллерия снова заводит свою смертоносную песнь, но на этот раз она длится гораздо дольше. Сотни, если не тысячи снарядов обрушиваются на город, стирая большую часть зданий с лица земли. Вы видите прямое попадание в соседний дом, а следующий снаряд падает на улицу и образует глубокую воронку. Куски булыжника и ударная волна со страшной силой обрушиваются на ставни и двери вашего убежища, с лёгкостью вырывая их из петель. Когда взрывы наконец смолкают, становятся слышны приближающиеся выстрелы и другие звуки боя. Топот ног возвещает о прибытии захватчиков. Первый враг появляется на пороге. Это солдат в простой серой форме с винтовкой незнакомой модели. Вероятно, её недавно ввели в употребление. К счастью, он опрометчиво опустил оружие и замер, как будто ожидая вашего выстрела (327). Вы хотите закричать, что вы подданный Империи, что вы на одной стороне (309), но не знаете, окажутся ли ваши слова быстрее его пули. Выстрелит ли он вообще?..

305

Вы с изумлением видите парня, которого спасли сегодня утром от арбалетного болта того художника. Он тоже удивлён и не в силах скрыть радость чуть ли не падает перед вами на колени. Затем юноша восклицает дрожащим голосом:

— Мы выжили! Я живой! За весь этот страшный день смерть ни разу не подбиралась ко мне так близко, как в тот момент! Если бы не ты, я бы не дожил до завтрашнего дня!

— До рассвета ещё далеко, — благоразумно замечаете вы.

— Но мы выживем. Немного пройдёмся по улицам, а потом спокойно переждём ночь в каком-нибудь заброшенном доме.

— А нас не накроют?

— Вряд ли, будем вести себя тихо. Но даже если и так — я возьму всю вину на себя. В конце концов, я твой должник.

— Звучит разумно. Что ж, пошли.

Целый час вы бродите по заваленным трупами улицам, но наконец обнаруживаете подходящее место для ночлега в сильно разрушенном квартале.

Через два дня ваш юный друг погибнет от собственной руки при чистке оружия. Глупая смерть, очень глупая, но она в некотором роде соответствует бессмысленности всего этого «военного предприятия». Совет верховных жрецов, правителей Атипа, соглашается на условия Императора и сдаёт Мегиддо вместе с окрестными землями, тем самым закончив войну или, скорее — краткую демонстрацию силы возрождённой Империи.

Вам осталось служить ещё неделю, а потом вы получите жалование и сможете уступить место настоящим солдатам, профессиональным героям, готовым рисковать, надзирая за восстановительными работами в захваченном городе. Последний день в Мегиддо вы, как и большинство выживших штурмовиков, проводите на самой большой площади, где в спешке сколачивают высокую деревянную трибуну. В полдень на неё восходит сам Император, прибывший, чтобы своими глазами увидеть «героев нашего времени» и почтить вас своей речью. Сидя на невысокой стене метрах в двухстах от седого правителя, вы посматриваете на свою винтовку, прислонённую к стене чуть далее. Вы вспоминаете день покушения на королевского сына и невольно подбираете оружие, однако быстро опускаете его на колени. Мелькает странная мысль... А что если просто встать на стену, прицелиться и выстрелить (314)? В обойме восемь патронов. Вероятно, телохранители Императора убьют вас после пары выстрелов, но попасть в цель вполне реально. Одной пули хватит, чтобы добить дряхлого старика. Вы войдёте в историю так же, как и убийца наследника престола. Куском свинца вы создадите кровавое произведение, которое обессмертит вас как самая великая картина. «Но зачем?» — спрашиваете вы себя. Зачем вам менять историю? Вы неохотно признаёте, что нынешний кровавый диктат технократов всё же служит государству. В конце концов, многие современники питали искреннюю, глубокую ненависть и к Грифу Великому, первому

царю-первосвященнику, а затем и Императору. Его жестокое правление не опустошило страну, но избавило её от внутренних раздоров и превратило в победоносную, богатую Империю. Возможно, вам стоит оставаться на фоне истории, рисовать больше картин и жить как все (316). Пока вы обдумываете эту дилемму, оратор поворачивается к одной из групп слушателей, обращая к вам беззащитную спину.

306

Ожидается, что в штурме Мегиддо примут участие более пяти тысяч «добровольцев», что означает большую охоту на маленького противника Империи, а для ополченцев — верную смерть. Ваши предположения подтверждаются в очередных новостных выпусках, в которых восхваляется доблесть павших «героев победоносной битвы при Мегиддо». Потери составили более четырёх тысяч солдат. Совет из сорока четырёх великих жрецов, правящий в Атипе, принимает ультиматум Императора и сдаёт Мегиддо с окрестностями в целях восстановления «исторической справедливости». Война быстро заканчивается, и вы начинаете подозревать, что вся эта кровавая баня была просто брутальной демонстрацией военной мощи. Как официально признанный «лучший художник Империи», вы со дня на день ожидаете заказа на масштабное полотно, которое увековечит «бессмертную победу» Отчизны. Однако придворный курьер приносит другое известие. Император повелевает создать его портрет. Кроме того, правитель должен быть изображён в мундире обычного рядового, который готовится к битве за Мегиддо. Вы совершенно не ожидали такого заказа. Неужели власть так помутила рассудок старика, что он по собственной воле решил выставить себя шутом? Ясное дело, никто не отважится посмеяться ни над изображением, ни над его творцом, но что скажут потомки? Кто, по их мнению, окажется большим шутом — правитель или художник, слепо подчиняющийся приказам? К сожалению, отказаться нельзя.

Вероятно, это будет стоить вам всех привилегий, а может, и жизни. Волей-неволей на следующий день вы отправляетесь во дворец.

Перед входом в императорскую палату для аудиенций вас тщательно обыскивают и разъясняют основы придворного этикета. Только после этого вы в сопровождении высокого мрачного человека проходите в самую охраняемую часть дворца. Бывший первосвященник выглядит намного старше, чем вы думали. Седые, почти белые волосы спадают на плечи, а глубокие борозды морщин ясно указывают на то, что старик вряд ли переживёт следующее десятилетие. Только в холодных голубых глазах можно увидеть железную волю владыки Империи.

— Начнём, — хрипло приказывает правитель. — Выйди.

Он обращается к своему телохранителю, и тот после некоторого колебания подчиняется.

— Доставай свои инструменты, художник.

— Да, мой...

— Пожалуйста обойдёмся без всякой ритуальной ерунды. Рисуй. Я видел твои работы. Хороши, очень даже хороши. Я выбрал тебя для этого фарса, чтобы не пришлось беспокоиться об исходе. Я уверен — ты справишься. Мои советники считают это переодевание в солдата хорошей пропагандистской уловкой, а я — жалкой чепухой...

Вы молча приступаете к зарисовкам, предварительно попросив свою выдающуюся модель принять правильную позу.

— Могу ли я писать естественно? — неуверенно спрашиваете вы.

— Что это значит?

— Писать то, что я вижу. Или же стоит внести некоторые исправления...

— Я старик, так и рисуй старика. Нечего скрывать морщины. Я не пожилая дама, рыдающая по былой красоте. Всю жизнь я стремился занять это место, и я горжусь своим возрастом. Мундир и всё остальное закончишь дома. Сейчас сделай только хороший набро-

сок лица — у меня нет времени часами торчать перед мольбертом. И подай мне тот револьвер со стола (308). Я прицелюсь в пространство, а ты потом сам придумаешь и дорисуешь цель.

Вы подходите к столику и берёте револьвер, отметив про себя, что барабан полон. Вас пробирает неприятная дрожь. Сейчас можно просто застрелить самого Императора (326)! Войти в историю! Кто знает, быть может, такая же мысль пришла в голову убийце дофина. Он просто поддался импульсу, увлёкся идеей увековечить своё имя. А вы могли бы сделать то же самое? Достанет ли у вас смелости? С оружием в руках вы поворачиваетесь к нетерпеливо ждущему старику и принимаете решение.

307

Ключ 20

Вы нажимаете на спусковой крючок, грохочет выстрел, оружие дрожит в ваших руках. В панике стреляете ещё трижды, а кто-то за спиной тоже палит несколько раз. Вы с ужасом смотрите на неподвижную грудь неизвестного художника, в которой зияют пулевые отверстия. Оборачиваетесь. В дверях стоит испуганный парень, солдат вашей армии. Он тяжело дышит и разглядывает труп расширенными от ужаса глазами.

— Спасибо... — бормочет он, протягивая мокрую от пота руку. — Ты спас мне жизнь.

— И забрал другую, — угрюмо отвечаете вы.

— Лучше он, чем я, — отвечает юноша.

— Вообще-то, я тоже когда-то был художником, — говорите вы, сами не зная, почему.

Вы молча выходите из дома, готовые исполнять свой славный патриотический долг дальше. На охваченных боем улицах появляется всё больше и больше солдат Империи. Они сжигают дома, нападают на женщин, умирают от вражеских пуль. Вы приходите к выводу

что ничем не отличаетесь от них. Что бы вы ни делали, вы занимаете одну из сторон этого конфликта. Вы входите в один из переулков и замираете, завидев приближающегося врага. Нападающий отбрасывает старое однозарядное охотничье ружьё и тянется к широкой, висящей у пояса сабле. Вы прижимаете приклад к плечу, занимаете позицию, мгновенно прицеливаетесь и стреляете, когда до человека, чьё лицо выражает мрачную решимость, остаётся меньше метра. Пуля разрывает несчастному челюсть. Обливаясь кровью, он падает на землю к вашим ногам. Вы приставляете ствол к его шее и прекращаете страдания.

— Как же просто, — шепчете вы. — Как чертовски просто (312).

308

Вы услужливо передаёте оружие, и правитель небрежно поднимает его чуть выше, целясь в противоположную стену. Больше часа вы старательно работаете над набросками и наконец объявляете, что эскиз готов.

— Отлично! Иди и возвращайся с готовой картиной, — властно произносит Император, указывая стволом револьвера на дверь.

Вы покидаете дворец в дурном настроении, которое вскоре немного улучшается, когда вы выпиваете пару бокалов отборного вина в своём особняке. Нужно приступать к работе, чтобы как можно скорее покончить с этим кошмарным поручением и вернуться к творению для собственного удовольствия. Все следующие дни вы выполняете заказ, помещая горделивую фигуру Императора на поле битвы в образе храброго военачальника. Он указывает на далёкий, охваченный пламенем город, словно отдавая приказ атаковать. Работу удаётся закончить неожиданно быстро, а кроме того, у вас получается действительно отличная картина. Тем не менее, вы откладываете отправку портрета ко двору; порой вам даже хочется сжечь картину и сбежать из города. Непонятно почему, вы чувствуете, что перешли последнюю черту. Вы написали множество картин

на заказ, но если тема или идея казались нелепыми, если вы думали, что выйдет халтура, то отказывались работать. И неважно, чей это был заказ: простого торговца с рынка или влиятельного аристократа. У вас были свои ограничения, но они пали одно за другим под тяжестью набитых золотом мешков. Вы резко вскакиваете и в порыве слепого гнева внезапно начинаете рисовать.

Вы трудитесь целую неделю, с утра до вечера, и создаёте гротескную карикатуру на заказанный портрет. На ней изображена крепость из палок и грязи, к которой ковыляет неуклюжий старик. Он вооружён веткой, и ужасный лишай покрывает большую часть морщинистого лица, искажённого в глупой ухмылке. Несмотря на свой облик, отвратительный старец явно напоминает Императора. Вы довольны результатом, ставите обе картины рядом и долго рассматриваете их. «Одну из них я должен послать во дворец, — серьёзно говорите вы. — Вот только какую?».

Вы обдумываете предстоящее решение весь остаток дня и полночи, но не делаете никаких конкретных выводов. Вы боитесь решиться, но происходящее слишком важно, чтобы просто забыть обо всём. Вам нужно обрести хотя бы иллюзорную власть над своей судьбой. Судьба... И вдруг на вас снисходит озарение. Пусть судьба решит вашу участь! Конечно, она слепа, но по-своему справедлива. Вы аккуратно упаковываете обе картины в одинаковую серую бумагу и кладёте их рядом. Затем вызываете курьера и твёрдым голосом говорите:

— В моей комнате ты найдёшь две упакованные картины. Это копии одного и того же произведения. Выбери одну из них и доставь ко двору. Это заказ самого Императора!

— А вторая картина, милорд?

— Это подарок другу, и я сам его отнесу. Как я уже сказал, ступай и выбери наугад один из пакетов. А я иду в сад.

— Слушаюсь, сударь.

Вы с нетерпением ждёте, пока слуга выполнит приказ. Сразу после его ухода вы спешите в свою мастерскую и дрожащими руками распаковываете оставшуюся картину. Вы смотрите на холст и узнаёте, какой вердикт вынесла вам Судьба.

› *Концовка: По воле рока*

309

— Не стреляй! Я из Империи! — кричите вы срывающимся голосом.

Положив оружие на стол, вы отступаете вместе с Силлой. Затем показываете на документ, лежащий рядом с пистолетом.

— Просто прочитай!

Солдат осторожно шагает вперёд, разворачивает бумагу и быстро просматривает её.

— Документ старого образца. К тому же, ты вполне мог его украсть!

— Но описание внешности совпадает! И там указано, что я художник. Посмотри, вот картины.

Солдат ненадолго задумывается, а затем кладёт документы на стол и берёт пистолет. Он стреляет в потолок и с размаху швыряет оружие в стену. Оно разлетается на куски, а парень торжествующе восклицает:

— Ха! Ладно, художник, я тебе верю. Но как ни крути, тебе здесь не место! Решил бросить свою страну и спокойно отсидеться здесь?

В комнате появляются ещё два солдата и вопросительно смотрят на своего товарища.

— Этот наш, — объясняет он. — У него есть бумаги.

— А красотка?

— Разберёмся! Эй, поделишься с нами своей крошкой?

Вы собираетесь запротестовать, но первый солдат заявляет:

— У тебя есть два варианта, приятель. Можешь спокойно забрать свои бумаги и уйти (335). Остановишь кого-нибудь из наших на улице. Скажешь, что не успел уехать из города, потому что тебя бросили в тюрьму или что-то в этом роде. Ну а если ты идиот, то ввяжешься в неприятности (302). Тогда мы сожжём твои документы и дадим тебе хороший урок патриотизма. Ты в любом случае выживешь, а мы в любом случае получим девку. Хорошо обдумай свой ответ, художник.

310

Ваш план сработал. Силла избежала пули — она попала прямо в вас. Женщина, которая с трудом устояла на ногах после толчка, бросает на вас последний, отчаянный взгляд и убегает. К счастью, ваша жертва не стала напрасной.

Вы падаете и с глухим стуком ударяетесь о булыжник. Только теперь понимаете, куда попал солдат. «Нога, — думаете вы и невольно улыбаетесь. — Всего лишь нога». Пробуете встать, но следующий выстрел отбрасывает вас на мостовую. На этот раз пуля пронзила плечо.

— Хватит! — яростно кричите вы на юного воина.

Судя по выражению его лица, мальчишка совершенно потерял способность мыслить. Он может только стрелять, снова и снова, и выпустит ещё шесть пуль, пока его винтовка не замолкнет с глухим щелчком. Каким-то чудом вам удаётся встать и пройти пару метров, отделяющих вас от застывшего на месте противника. Он выглядит так, словно сознание и жизненные силы покинули его вместе с последней выпущенной пулей. Осталась лишь пустая, безжизненная телесная оболочка. Вы видите только очертания его фигуры, но тем не менее сжимаете пальцы на его шее до тех пор, пока он не рухнет на мостовую, увлекая вас за собой. Вы лежите на спине, наблюдая лишь цветные, размытые очертания мира. Спрашиваете себя: почему я должен умереть? Что это — результат принятых вами

решений? Слепая судьба? А может, сознательный выбор? Теперь уже не важно. Цветные пятна сереют, исчезают. Нежная, глубокая чернота заволакивает видимую реальность и наконец полностью скрывает её. **Вы погибли.**

311

Известие о войне пугает вас не так сильно, как большинство граждан. Признанному художнику армейский призыв не грозит, и вы можете спокойно ждать новостей с фронта в столице (306). Несмотря на это, вы хотели бы быть ближе к гуще событий, хоть и понимаете, что этот порыв не сильно отличается от безумного полёта мотылька, привлечённого смертоносным пламенем свечи (301). Вы не хотите лично участвовать в боевых действиях и пытаетесь найти другой способ увидеть войну вблизи. Возможно, стоит записаться в корпус «военных декораторов», о котором недавно писали газеты? Это предприятие описывалось, как «отличная альтернатива для талантливых художников, желающих избежать кровопролития». Вы раздумываете над решением и при этом с интересом следите за сообщениями прессы. По словам журналистов, народ в восторге от «Праведной войны» Императора, хотя на улицах столицы не видать и намёка на воодушевление.

312

Почти час вы вместе с остальными находитесь под непрерывным обстрелом; время от времени кто-то из соседей получает пулю, которая с тем же успехом могла попасть в вас. Яростное сопротивление жителей, плохо вооружённых, но восполняющих этот недостаток меткостью, собирает кровавую жатву в рядах имперского войска. Только многочасовой ковровый обстрел всего города несколько ослабляет дух его защитников. От одного из солдат вы

узнаёте, что армия отказалась от предварительного обстрела города, поскольку командующий хотел избежать разрушений и «поднести» город Императору в максимально возможной целости и сохранности. Сейчас его амбициозный план, подобно самому Мегиддо, лежит в руинах, и вам будет легче завершить дело уничтожения. В этот день вы убиваете ещё как минимум пятерых, да и сами несколько раз смотрите в лицо смерти. Однако заранее отнесённые к потерям солдаты, практически посланные на убой на подступах к стенам, к вечеру всё же подавляют последние очаги вражеского сопротивления. Город взят. Из пяти тысяч нападавших в живых осталось менее тысячи, и половина из них тяжело ранены. Воспользовавшись предложением генералов, почти три четверти жителей покидают Мегиддо, не желая оставаться под оккупацией имперских войск. Вместе с другими уцелевшими солдатами, которые всё ещё способны стоять в строю, вы остаётесь в городе для ночного патрулирования, получив за это немного сушёного мяса, спирта и час на отдых. Вы равнодушно сидите в грязной форме и ждёте, когда объявится ваш напарник по патрулю. Тем временем на забитый мёртвыми телами и всё ещё пылающий город медленно опускается ночь.

Ключ 20 — 305

Нет ключа — 323

313

— Какой умный солдат! Скажи, ты боишься смерти?

— Конечно.

— Это хорошо. Пустая бравада приводит к потерям в подразделении. Но нельзя быть трусом. Борись за свою жизнь, бейся за неё как дикий зверь, но только до тех пор, пока твоя борьба не мешает ходу боевых действий. Запрещено нарушать строй, отступать, прятаться, убегать. Так ты можешь спастись, но кто-то рядом схватит пулю, которая летела в твою грудь. Ты рядовой солдат и должен

рисковать своей жизнью, а не подставлять товарищей. Вернись в строй. Всем приготовиться, сейчас начнётся обстрел...

Последние слова тонут в оглушительном грохоте артиллерии. Через пару минут городская стена рассыпается в пыль.

Внезапно наступает тишина, которую нарушает только зловещее гудение в ушах. Она не продлится долго. Вы слышите, как запели трубы, предваряя атаку первых рядов. Вы с тревогой смотрите на дымящийся, обугленный проём, через который предстоит проникнуть в город. Команда может прозвучать в любую минуту. Штурм начался (317).

314

Вы вскакиваете, хватаете карабин, тут же кладёте приклад на плечо, целитесь всего долю секунды и трижды стреляете. Три кровавых цветка распускаются на белоснежной мантии Императора. Он обрушивается с трибуны на мостовую, прямо под ноги толпе. Телохранители реагируют мгновенно: часть бежит к раненому, а остальные наводят оружие на вас. Внезапно из толпы раздаётся выстрел, и один из гвардейцев падает на колени, захлёбываясь собственной кровью. Своей безумной атакой вы освободили давнюю, затаённую ненависть, и она вырывается на поверхность бурным потоком. Телохранителей правителя осыпают градом пуль, а пара солдат быстро проводит вас к ближайшему переулку и дальше, к бреши в стене. Там самый старший провожатый предупреждает:

— Тебя будут преследовать, долго и упорно.

— Я догадываюсь.

— Даже не знаю, благодарить тебя или проклинать. Только время покажет последствия твоего поступка. Но в самом деле — зачем ты это сделал?

— Ради истории.

— Что ж, причина не хуже любых других. Удачи, незнакомец!

Вы поспешно покидаете захваченный внезапным хаосом Мегиддо и, сами того не зная, начинаете самый долгий побег в своей жизни. Вы достаточно быстро избавляетесь от злополучного оружия и солдатского мундира, правда, для этого приходится ограбить какого-то купца на границе.

К сожалению, технократы намерены сделать всё, чтобы не дать убийце их вождя выйти сухим из воды. Вы нигде не задерживаетесь дольше двух дней, но всё равно чувствуете, что преследователи дышат в спину. Погоню несколько замедляет гражданская война, вспыхнувшая уже через пару месяцев после гибели Императора. Технократы жестоко бьются на полях сражений со своими противниками, а решительные солдаты Атипа раз за разом сбиваются в новые армии и пытаются отбить Мегиддо. Кровавый внешний и внутренний конфликт продолжается целых семнадцать лет и доводит Отчизну до полного разорения. Вы бродите по всем укромным уголкам и закоулкам, но нигде не находите такого места, на котором война не оставила бы своих рубцов. Перед вашими глазами проходят тысячи сцен, и каждая из них могла бы послужить идеальной темой для новой картины. Увы, ярость идущих по следу наёмных убийц и собственный страх гонят вас вперёд и не оставляют времени для творчества. За долгие годы вам удаётся устранить семерых преследователей в честном бою или прибегнув к хитрости. Каждый из них утверждал, что даже во времена разрушительных войн технократы тратят определённые суммы на гонорары охотникам за головами. И уж точно они хотят получить вашу голову, ведь вы — тот человек, который своими выстрелами уничтожил их мечту.

Через двадцать лет после покушения настаёт день, когда им улыбается удача. Империя не только каким-то чудом пережила все исторические потрясения, но и наконец завоевала Атип, ограбив его до нитки. Великая держава встаёт с колен под властью Совета Пяти — собрания четырёх самых влиятельных технократов и первосвященника. Именно перед этой коллегией вы предстаёте однажды весенним утром, чтобы выслушать обвинительный приговор. Затем

вы уверенным шагом подходите к стене, срываете повязку с глаз и смело оглядываете расстрельную команду.

— Ну что растерялись, ребята? — весело спрашиваете вы.

— Нам же нужно убить легенду, — отвечает один из солдат, но его слова тут же заглушает громовой приказ командира. Он поднимает саблю...

— Легенду убить невозможно, — тихо говорите вы, и оглушительный грохот выстрелов возвещает о конце вашей жизни.

Концовка: Имя в истории

315

Как гражданин Империи, вы не можете покинуть Мегиддо, хотя и уверяете власти, что не собираетесь раскрывать наступающей армии никаких стратегических деталей обороны. Довод о том, что вы пробыли здесь полтора года, лишь усугубляет ситуацию — это значит, у вас было достаточно времени, чтобы прекрасно изучить топографию города. Кроме творчества, ваше единственное утешение в наставшие тяжёлые дни — это Силла. Вы были вместе все эти полтора года, а ваши отношения давно вышли за рамки мимолётной связи. Хотя закон Атипа запрещает вступать в брак до тридцати лет, вы ведёте себя как супружеская пара, что порой возмущает некоторых знакомых вашей избранницы. Увы, даже её заступничество не спасёт вас от дальнейших проблем.

Пятитысячная имперская армия подступает к стенам Мегиддо, и пока солдаты готовятся к неизбежному штурму, к вам является городской чиновник. Он требует подписать «обязательство» — письменный документ, согласно которому вы подтверждаете полную преданность Атипу и осуждаете военные действия Империи. Визитёр спокойно заявляет:

— В этот критический момент нам нужны гарантии. Никто не должен помогать захватчикам из города.

— Но у меня нет возможности передавать какие-то сведения. Даже если бы я захотел.

— Если задаться целью, то способ найти можно. Пожалуйста, подпишите обязательство о лояльности (304), иначе нам придётся отправить вас в подземелье на время штурма (320).

— И сколько времени дадите на раздумья? — спрашиваете вы, глядя на встревоженное лицо Силлы.

— На улице ждёт военный конвой. Решать надо сейчас.

316

Вы ещё раз смотрите на говорящего, а затем переводите взгляд на винтовку. С улыбкой на лице подбираете оружие и покидаете площадь. Если вам суждено войти в историю, то хотелось бы достичь этой цели кистью, а не пулей. Вы с радостью сдаёте оружие и форму, чтобы наконец покинуть Мегиддо и отправиться в обратный путь.

Ключ 16 — 337

Нет ключа — 338

317

Первые ряды врываются в город и с грохотом валятся на мостовую, скошенные точным залпом собравшихся в две колонны защитников, которые блокируют подходы к ближайшей улице. Вы открываете ответный огонь, мгновенно уничтожая плохо вооружённых смуглых людей. Когда вы добираетесь до бреши в стене, в близлежащих переулках идёт ожесточённая перестрелка. Повсюду видны трупы имперских ополченцев и защитников города. Быстро перезаряжаете своё ружьё, гадая, попали ли в кого-нибудь выпущенные вами пули. Не желая слишком долго стоять на месте, вы бежите в переулок, где наугад проверяете все двери домов и наконец

находите открытую. Входите внутрь с карабином на изготовку. В доме обнаруживается человек, сидящий на табурете с взведённым арбалетом. За его спиной мольберт и другие принадлежности для рисования, при виде которых вас охватывает почти парализующая скорбь. Возможно, выражение лица выдаёт в вас художника, а может, незнакомец просто не рискует вступить в схватку с хорошо вооружённым противником. Во всяком случае он отводит арбалет и понимающе кивает. Вы слышите, как кто-то ещё пытается войти в комнату, и это вызывает мгновенную реакцию вашего «хозяина». Он целится в дверь за вашей спиной, и у вас есть лишь секунда на размышление. Можете выстрелить в него прямо сейчас (307) или дождаться развития ситуации (333).

318

По прибытии в Батер вы чувствуете себя потерянным. Отправляетесь на встречу с сестрой, чтобы ощутить хотя бы некий суррогат того, что можно назвать «домашней обстановкой». С трудом и изрядным испугом вы узнаёте в худой, до срока состарившейся женщине свою некогда энергичную родственницу. Быстрый захват Мегиддо, очередной триумф, укрепляющий господство технократов, по-видимому, полностью сломил её волю. Апатичным, бесстрастным голосом сестра сообщает, что проиграла все судебные процессы, и у неё остался только один завод. Хуже того, ей и другим фабрикантам вчера пришлось присутствовать на банкете в честь победоносной имперской армии.

— Я выпивала за здравие Императора и чувствовала себя продажной девкой, — в отчаянии признаётся сестра. — Ты не представляешь, какое это было унижение. Даже Омель отвернулся от меня. Говорят, он неплохо устроился в каком-то промышленном городе в центральной части страны. Заправляет там вместе со своими технократами.

Вы терпеливо выслушиваете жалобы сестры, которая осуждает всё и всех вокруг. Наконец она просит вас уйти, обещая, что скоро, совсем скоро позаботится о вашем будущем. Через два дня после встречи вы получаете письмо от нотариуса. Согласно тексту, вам передаются остатки семейного имущества, и это последняя воля сестры, которая предпочла покончить с собой, а не наблюдать за торжеством ненавистных врагов. После мрачного периода скорби и частичной апатии, вы постепенно начинаете понимать, что стали богатым человеком. Вы чувствуете острую потребность создать нечто действительно прочное — то, что позволит преодолеть творческое бессилие. Этим шагом станет открытие школы живописи.

На протяжении следующих лет вы вкладываете весь свой талант, энергию и средства в обучение молодых, перспективных художников. Вначале все ученики прибывают из Батера и его окрестностей, но со временем, когда они добиваются первых успехов, школа получает признание и в других городах. Через двадцать лет академию уже знают во всей Империи; новые студенты, а вместе с ними и деньги, поступают непрерывным потоком. Менее талантливых вы превращаете в искусных мастеровых, а более способных — в настоящих мастеров. Хотя вы сами почти отказались от живописи, но каждый успех своих подопечных считаете личным триумфом. Всю свою жизнь вы посвящаете взращиванию новых поколений художников и тем самым завоёвываете видное место не только в искусстве, но и в истории. Дожив до счастливой старости, вы умираете в окружении троих детей и многочисленных внуков. И всё же в последние минуты в этом мире перед глазами снова встаёт охваченный огнём войны Мегиддо. По легенде, вы зовёте самого одарённого из своих учеников, который со всей семьёй бдит у вашей постели. Вы передаёте ему кисть и слабеющим голосом просите:

— Никогда не меняй орудие своего ремесла на винтовку. Даже если очень захочется...

С этими словами вы покидаете земной мир.

▾ *Концовка: Кузнец будущего*

319

Стиснув зубы, вы воздерживаетесь от комментариев. Даже если кто-то другой и хотел что-то сказать, он, видимо, последовал вашему примеру, ибо после высокопарных слов командира в строю воцарилось безмолвие. Оратор какое-то время презрительно оглядывает ополченцев, а затем сердито вопрошает:

— И что? Где ваш запал? Я хочу услышать боевой клич! Пусть и враги его услышат! Слава Империи!

— Слава Империи! — откликается неровный хор мрачных голосов, к которому вы не присоединяетесь.

Оценив реакцию солдат, офицер выхватывает из кобуры револьвер и несколько раз стреляет в воздух. Он пронзительно вопит:

— Да здравствует наша Священная Империя!

— Да здравствует Империя! — отзываетесь вы вместе со всей толпой.

Как только смолкает солдатский клич, заводит свою песнь артиллерия. Оглушительная канонада продолжается около четверти часа — снаряды буквально разносят в пыль тонкие каменные стены, окружающие город. Затем обстрел прекращается, и начинают петь трубы. Прямо сейчас вы пойдёте на штурм. Сжимаете приклад винтовки. Её ствол судорожно трясётся, как и ваши руки. Вы чувствуете, как кто-то толкает вас в спину и двигаетесь вперёд вместе с остальными. Всё быстрее и быстрее. И вот, сам не до конца понимая, как это вышло, вы уже бежите вперёд со всех ног. Штык вашей винтовки указывает на злополучный город Мегиддо (317).

320

— Я не могу подписать такую бумагу. Кто знает, в чьи руки попадёт этот документ.

— Понимаю. Вы не верите, что нам удастся отбить штурм.

— Этого я не говорил.

— Порой слова не нужны. В любом случае, я вынужден попросить вас пойти со мной. Снаружи ждёт стража, но я не думаю, что вы хотите создавать лишние сложности.

Вы молча поворачиваетесь к Силле. Прощаетесь с испуганной женщиной коротким поцелуем и избитой фразой, что всё образуется. Вы идёте следом за чиновником по городу, охваченному лихорадочной подготовкой к штурму. Ваш путь лежит в расположенные недалеко от центра города подземелья. Жаль, что все усилия заранее обречены на провал. Даже до превращения в Империю у королевства хватило бы сил, чтобы смести восточного соседа с лица земли. Вы оставляете эти мысли при себе и молча входите в отведённую вам камеру. В ней обнаруживается ещё один узник, уроженец Мегиддо, который приветливо улыбается и спрашивает:

— А как вы дошли до жизни такой?

— Отказался подписать некую бумагу о лояльности Атипу.

— Значит, вы поддерживаете действия Империи?

— Нет. Я вообще прибыл сюда ещё во времена королевства.

— Не лучшее время для путешествий.

— Согласен. А вы? Почему они арестовали своего?

— Я не совершал никаких преступлений. Просто не желаю участвовать в войне.

— Наверное, высоко цените свою жизнь.

— Нет, я не боюсь смерти. Я не трус. Просто не хочу убивать. Много лет назад вся моя семья погибла в храме. Поистине нелепая смерть — на нас упала статуя. Многие посчитали, что это боги явили свою волю, а я думаю, виноват внезапный порыв ветра и рухнувший помост. В любом случае я знаю, что такое расти в одиночестве. Не хочу, чтобы моя пуля лишила кого-то отца.

— Но пули наших солдат убьют многих отцов, а вы могли бы помешать этому, сражаясь за своих.

— Тушить огонь керосином? Да уж, действенный метод, но я не могу это принять. Люди сражаются за что-то, умирают, убивают, и пусть. Я осознанно выбрал другой, третий путь.

— И стали врагом для обеих сторон.

— У каждого выбора есть свои последствия.

— Это правда.

— Скажите, насколько сильна ваша армия? У Мегиддо есть шанс?

— Нет. Я думаю, город падёт в ближайшие дни.

— А что будет потом?

— Это зависит от Императора. Он может насытиться одним городом или пойти дальше. Я не знаю, что это за человек, но он явно хочет вписать своё имя на страницы истории. И неважно, какими средствами — с помощью справедливого правления или пушечных выстрелов.

— В некотором смысле, каждый человек стремится к этому. Просто у Императора больше возможностей...

Вы проводите долгие часы, беседуя со своим сокамерником. Наконец усталость берёт своё, и вы засыпаете. Ночь проходит спокойно, однако на рассвете начинает грохотать массированный артиллерийский обстрел. Ползут долгие часы; отовсюду раздаются приглушённые толстыми стенами звуки боя. В камере есть лишь маленькое потолочное окно, и вы не можете понять, успешна ли оборона города. Около полудня снова начинают греметь орудия, а отголоски уличных боёв приближаются. К вечеру из коридора доносится топот и скрип дверей. Открывают одну из камер. Вы слышите чей-то крик, а сразу за ним — залп.

— Герои развлекаются, — говорит ваш товарищ по несчастью. — Итак, Империя победила.

Вы киваете. Он прав — никто из местных не стал бы убивать заключённых. Такая «забава» может прийтись по вкусу только вашим соотечественникам. Злоумышленники уже в соседнем каземате, и крики его обитателя обрывают выстрелы.

— Надеюсь, вы успеете сообщить им, кто вы, до того, как они начнут стрелять, — говорит ваш сосед. Он от души желает вам добра, а сам, похоже, смирился со своей участью.

Вы хотите что-то сказать, но ключ уже поворачивается в замке. На пороге камеры возникают трое мужчин в окровавленной серой форме. Убийцы медленно и с садистским удовольствием наводят на вас винтовки. Ваш товарищ мгновенно встаёт перед ними. Он готов принять огонь на себя и дать вам время, необходимое для объяснений. В этот решающий момент вы всё ещё сомневаетесь — стоит ли принять его жертву или встать плечом к плечу и встретить смерть вместе. Как бы вы ни поступили, вы понимаете — даже если удастся выжить, вы никогда не будете прежним. Какая-то — нет, лучшая! — часть вас уже погибла в этой камере. Как ни странно, вы проиграли, даже будучи на стороне победителей. Вы улыбаетесь напоследок и принимаете решение...

▾ *Концовка: Третий путь*

321

Вы попали в учебный лагерь возле Мегиддо, который на три четверти состоит из случайных людей, одетых в небрежно пошитую серую форму. Создаётся впечатление, что единственными солдатами в шеститысячной ударной армии являются командиры и канониры дюжины-другой странных пушек. Они построены по чертежам из Великой библиотеки, которые рассекретил Император. Судя по всему, их мощность сравнима с самыми крупными орудиями, при этом заряжаются они намного быстрее, и в них используются патроны подобно револьверам или винтовкам. Вы снова задаётесь вопросом, а сколько ещё тайн скрывают священники и кем на самом деле были те Древние, что оставили после себя столь потрясающий объём технических знаний.

В течение двух недель вы вместе с другими новобранцами целыми днями учитесь стрелять из самозарядных винтовок, обойма которых рассчитана на восемь пуль. Этот меткий, извергающий отстрелянные гильзы смертоносный инструмент — ещё один «подарок» армии от Императора. Последний пользуется необыкновенным уважением среди военных. Похоже, что бывший первосвященник начал готовиться к грядущей войне сразу после вступления на престол. В последний день на стрельбах, за два дня до штурма, вы слышите от кого-то, что это будет пробная атака. Даже если ополчению не удастся захватить город, оно всё же обескровит защитников, прокладывая путь для регулярной армии. Накануне боя вы чистите оружие и в какой-то момент забывшись вертите шомпол, как будто у вас в руках кисть. Вы отбрасываете мысли о прошлом, сосредоточившись только на завтрашнем дне. «Как же хочется жить», — бормочете вы про себя, чувствуя, что к глазам подступают слёзы.

На рассвете вы стоите в строю, вытянувшись по стойке смирно перед командующим, чья единственная задача — отправить ополченцев вперёд и убедиться, что никто не пытается сбежать. Вы просто фон для предстоящих событий. Утешаете себя мыслью о том, что не пойдёте в первых рядах. На место вы доберётесь уже тогда, когда кто-то завяжет бой с врагом. Тем временем полководец-энтузиаст соизволил произнести возвышенную речь о долге перед Родиной и будущим.

— Когда наши орудия проложат вам путь к реликвии прошлого — обрушат стены НАШЕГО Мегиддо — запоют трубы, а вы ринетесь в атаку. Нынешние обитатели города, как и все жители этой отсталой страны, плохо вооружены. Ожидайте наткнуться на дробовики, возможно, пару револьверов, кремнёвые пистолеты. В худшем случае будет несколько пушек на крупных площадях. Их вооружение, если исключить дурно скопированные у нас же старые типы револьверов, соответствует тому, чем мы располагали лет шестьдесят назад, а может, и раньше. Вы всё равно можете погибнуть, а многие из вас не доживут до следующего рассвета. Но смерть на поле боя — это

честь, которую заслуживает не каждый. Чтобы удостоиться такой судьбы, нужно иметь отважное сердце и счастье родиться в правильное время. Разве вы не слышали в юности сказания о храбрых воинах времён Первой Империи? Теперь вы заняли их место, и о вас священники расскажут грядущим поколениям. Там, за этой стеной, вас ждёт бессмертная слава! Уже сегодня вы стали легендой, ведь вы возвращаете нашу святыню! Отсюда двинулся к престолу наш первый Император, Гриф Великий! Здесь пал мученической смертью Крон, храбрейший из воинов, наш главнокомандующий и последний царь. Эта земля впитает и вашу кровь, отплатив за неё вечной славой. Есть ли более достойная мужчины участь, чем возложить свою жизнь на алтарь ради любимой Отчизны?!

Вам очень хочется сказать стоящему рядом солдату, что вы на самом деле думаете об этой речи (330). Однако все вокруг угрюмо молчат, и вам бы лучше последовать их примеру (319). Ясное дело — быть хорошим солдатом означает не высовываться, подражать другим и слушать приказы. Иногда даже выполнять их, если кто-то может донести о неисполнении. «Подумать только, что через сто лет мы, пушечное мясо, которое просто похватали на улицах, станем для кого-то героями и образцом для подражания», — с горечью размышляете вы.

322

Вы идёте по середине узкой улочки, над которой возвышаются побелённые трёхэтажные дома. В такой обстановке нельзя чувствовать себя в безопасности. Хотя все ставни плотно закрыты, вас не покидает ощущение загнанности. Отовсюду доносятся звуки боя, и из-за них больше ничего не слышно. Внезапно вам кажется, что где-то позади скрипнула открывающаяся створка. Вы оборачиваетесь и дважды стреляете вслепую. Пули уходят в стены, а ставню, похоже, распахнул порыв ветра. В тот же самый миг раздаётся ещё один выстрел. Он попадает в цель. Правда, стреляли не из окон,

а с тротуара. Дежуривший на выходе из переулка имперский солдат принял вас за врага и открыл ответный огонь. Пуля прошила ваш бок, и испуганный ополченец, увидев, что он натворил, тут же убегает. Ослеплённый болью, вы медленно сползаете по стене, всё ещё судорожно сжимая в руках карабин. Вы падаете, прижимаетесь щекой к холодному булыжнику. Глаза закрываются. Вы проводите в этой позе целые часы, размышляя о своей жизни и о чём придётся, лишь бы отвлечься от кровоточащей раны. Незадолго до того, как затихнут последние отголоски боя, кто-то осторожно поднимает вас. Спаситель — имперский солдат. Как будто между делом он сообщает:

— Мы победили.

Сразу после этих слов вас наконец охватывает блаженная чернота, а измученное сознание покидает изнурённое болью тело.

Ключ 16 — 339

Нет ключа — 340

323

К сожалению, вы ждёте напрасно. У вас нет никакого желания всю ночь патрулировать улицы в одиночку, и вы решаете найти укрытие, в котором можно дождаться утра, не попадаясь никому на глаза. Выбираете самый разрушенный обстрелом квартал и отправляетесь туда в надежде найти какой-нибудь заброшенный дом. По пути встречаете несколько патрулей и понимаете, что другие солдаты тоже не слишком-то заинтересованы в исполнении возложенных на них обязанностей. В конце концов вы набредаете на подходящее укрытие: в разрушенном взрывом здании уцелела единственная квартира, и в этом простом двухкомнатном обиталище даже есть кровать. Сквозь сорванные ставни и широкую щель в одной из стен льётся лунный свет, и вы внезапно замечаете сгорбившуюся в углу фигуру. Вы рефлекторно целитесь, но сразу понимаете, что вам ничего не угрожает. Это обнажённая, жестоко избитая женщина.

Её лицо распухло, превратилось в один большой синяк. Слипшиеся от пота и крови волосы кажутся искусственными. Изломанные под странными углами пальцы довершают образ осквернённой жертвы победителей. Завидев вас, женщина начинает отчаянно хрипеть. Вы опускаете оружие и идёте к ней, чтобы хоть чем-то прикрыть бедняжку. В этот миг за спиной раздаётся неистовый мальчишеский крик:

— Не трогай маму!

Вы оборачиваетесь как раз в тот момент, когда мальчишка явно младше десяти лет жмёт на спуск старого кремнёвого пистолета. Грохочет оглушительный выстрел, и пуля прошивает ваши внутренности. Обезумев от боли, лишь наполовину осознавая свои действия, вы вскидываете винтовку к плечу и мгновенно опустошаете магазин. Восемь пуль изрешетили тело ребёнка. Оружие выпадает из вашей руки и с громким стуком падает на пол. Отступаете на несколько шагов и, ощутив за спиной стену, сползаете по ней вниз прямо рядом с тихо плачущей женщиной. Даже в такую минуту мелькает мысль о том, что эта сцена отлично бы подошла для атмосферной картины, осуждающей ужасы войны. К сожалению, боль быстро прогоняет любые мысли, приковывая всё внимание к ране, возможно, смертельной. Откуда-то снаружи доносятся приближающиеся крики. «Услышали выстрелы, — бормочете вы. — Идут сюда». У вас нет сил крикнуть в ответ, и всё, что вы можете сделать, — это обернуться к двери. На вашем искажённом страданием лице написано только терпеливое ожидание — смерти или спасения.

Концовка: Ночной дозор

324

— Здесь никого не волнует, что ты хочешь! Заткнись и встань в строй! В первый ряд!

Вы понимаете, что дальнейшие споры бессмысленны, и выполняете приказ, подавляя мимолётное искушение пристрелить офицера. Через минуту начинается артиллерийская канонада, которая проложит солдатам путь вглубь города. Наблюдая, как падает стена, вы всё крепче сжимаете приклад карабина. Все сомнения внезапно уходят. Впереди — неизбежное, и в этой ситуации вы обнаруживаете в себе необычное мужество. Когда замолкают пушки, начинают петь трубы. Это сигнал к атаке. С криком на устах вы вместе со всеми остальными бросаетесь навстречу своей судьбе (336).

325

Возвращение в родные края лишь немного улучшило ваше положение. Батер, как и другие города Империи, уже захвачен технократами и их приспешниками, которые оккупировали все уровни местной администрации. Никто не забыл отношение вашей сестры к победившей фракции, и ситуация усугубляется. Гордая женщина даже не пытается изобразить симпатию к технократам и продолжает упорно критиковать их программу. Даже конфискация большей части фабрик под предлогом заговора и эксплуатации рабочих не может её остановить. Её слепое упорство и ненависть действуют на разъярённых бюрократов как красная тряпка, а последствия падают на вас. Начало войны ставит вас в действительно сложное положение. Как брат местной, ненавидимой всеми мятежницы можете не сомневаться: вы попадёте под армейский призыв и неминуемо отправитесь на штурм Мегиддо.

Действительно, не прошло и двух дней с момента объявления о начале боевых действий, и вот уже на пороге объявился отряд городской стражи. Вы получаете повестку, а вторгшиеся в дом стражники настолько любезны, что предлагают сопроводить вас к вновь сформированному военному лагерю. Туда отправляются и многие другие вынужденные добровольцы из Батера (321).

326

Вы несколько раз жмёте на спусковой крючок и слышите мерные щелчки бойка по холостым патронам. На лице предполагаемой жертвы пылает ненависть, которая прорывается с громким криком:

— Ты правда думал, что кто-то оставит заряженное оружие в моей комнате?! Подлый пёс! Тебя расстреляют сегодня же.

Старик умолкает, заметив, что ваш страх быстро превращается в мрачную решимость. Когда в комнате появляется потревоженный криком стражник, он видит, как вы наступаете на Императора. Вы без труда сбиваете с ног потрясённого старца и буквально швыряете его в витражное окно. Испуганный правитель вскрикивает и с размаху врезается в булыжники мостовой. Всего полшага отделяет вас от того, чтобы разделить судьбу своей жертвы. Вы поворачиваетесь к телохранителю, который уже достал оружие. На этот раз револьвер наверняка заряжен.

— Ни с места! — шипит сквозь зубы гвардеец.

— А то ты меня пристрелишь? — насмешливо уточняете вы. — С тем же успехом я могу спрыгнуть вниз.

— Хочешь умереть?

— По сравнению с тем, что меня ожидает, это цветочки. Предпочитаю быструю смерть.

— Да скажи хотя бы, зачем ты это сделал?!

Какое-то время вы обдумываете ответ. В конце концов, эти слова станут для вас последними. Наконец вы пожимаете плечами и с улыбкой говорите:

— Потому что мог.

Полёт длится недолго, и вы почти сразу теряете сознание от удара. Вы умрёте, но память о вас останется навсегда. По странной прихоти судьбы через сорок лет после вашей смерти некий художник пишет картину под названием «Воля», на которой изображён ваш знаменитый прыжок. На протяжении многих поколений этот шедевр напоминает всем зрителям не только о мастерстве его создателя,

но и о вас. Вы всё же запечатлели своё имя на страницах исторических хроник, хоть и сделали это не с помощью кисти и красок.

Концовка: Прыжок в вечность

327

Даже устаревшее оружие смертельно опасно. Оглушительно грохочет выстрел, и противник падает на пол, судорожно хватаясь за грудь. Вы прикидываете, не забрать ли винтовку убитого, но решаете, что имперские солдаты инстинктивно будут стрелять в любого вооружённого врага. Вы собираете кое-какие сбережения и бумагу, подтверждающую ваше имперское подданство. Затем приказываете Силле надеть самую неказистую шаль, чтобы как-то скрыть её необыкновенную красоту от глаз соотечественников.

Вы пробираетесь по улицам охваченного кровавым безумием города. Двигаетесь к центру, с ужасом осознавая, что на месте ещё вчера стоявших зданий теперь полыхают развалины. Миновав очередной квартал, вы почти сталкиваетесь с одиноким, напуганным солдатом Имперской армии. Он вскрикивает, отбегает в сторону, но почти сразу берёт себя в руки и готовится к выстрелу. Вы чувствуете, как немеет всё тело. Он выстрелит, этот парень с безумными глазами, вы в этом уверены. Он целится прямо в Силлу, и вы понимаете, что её смерть даст вам несколько драгоценных секунд для побега (328). Тут же проклинаете себя за такую мысль. Это вы можете спасти её — вытолкнуть в переулок, из которого только что вышли, и встать под пули (310). Кто-то должен умереть. Враг вот-вот нажмёт на спуск, и вы молниеносно принимаете решение.

328

Вы бросаетесь бежать. Позади раздаётся выстрел и мучительный стон умирающей женщины. Вы не останавливаетесь ни на секунду, пересекаете улицу за улицей и не раз обходите воюющие стороны в самый последний момент. Вокруг свистят смертоносные пули, но каким-то чудесным образом пролетают мимо. Вы целенаправленно продвигаетесь к позициям соотечественников. Наконец вам удаётся выбраться (341).

329

Вы стреляете. Пуля мягко входит в грудь жертвы. Некоторое время бывший художник хрипит и захлёбывается кровью, затем тело судорожно содрогается. Наконец человек замирает и затихает навсегда. Вот и всё. Вы убили его. В этот самый момент тысячи людей снаружи убивают и умирают одновременно, но всё это не имеет ни малейшего значения. «Голая статистика для воинских рапортов и исторических хроник», — бормочете вы про себя. Вы с яростью вскидываете ружьё и несколько секунд целитесь в мольберт, но не находите в себе сил на то, чтобы спустить крючок. Опускаете карабин и уходите. Теперь вы настоящий солдат (312).

330

— Лично я предпочёл бы выжить, — вполголоса говорите вы стоящему рядом товарищу по несчастью.

К сожалению, вы выбрали не лучшего собеседника. Вместо того, чтобы кивнуть, солдат с презрением восклицает:

— Неужели для тебя своя шкура важнее долга перед нацией?!

— Что там происходит? — сердито спрашивает командир.

— Да вот этот плюёт на воинский долг! — негодующе кричит «истинный» солдат, указывая на вас.

— Подойди! — приказывает офицер.

Вы подчиняетесь, бросив полный ненависти взгляд на самодовольного доносчика. Вы предстаёте перед командующим, и он долго меряет вас изучающим взглядом, а затем изрекает:

— Значит не веришь в наше общее дело? Как ты думаешь, через триста лет кого-то будет волновать, что ты сейчас чувствуешь? Твои потомки будут гордиться тем, что их прадед сражался при Мегиддо. Вот и всё, что имеет значение, солдат — история, будущее!

— Если я умру, у меня не будет потомков, — спокойно отвечаете вы (313).

— Тогда я с радостью послужу фоном для истории. Хороший гротескный финал для художника (332).

331

Не говоря ни слова, вы опускаете оружие и идёте к выходу. Художник провожает вас словами благодарности:

— Я нарисую твой портрет, незнакомец. Нарушу закон своего народа и изображу человека. Тебя!

— Для начала не дай себя убить.

Вы выбираетесь на улицу и снова закидываете винтовку на плечо. Вскоре натыкаетесь на бегущего откуда-то солдата, который показывает на один из переулков и кричит:

— Займи позицию! Охраняй проход!

Бежите в указанное место, где вас почти настигает пуля. Она откалывает кусок стены всего в паре сантиметров над головой. Действуя скорее инстинктивно, чем разумно, вы несколько раз стреляете и поражаете атакующего на расстоянии в пятнадцать

метров. Охотничье ружьё выпадает из ослабевших рук женщины, и она с криком падает на мостовую. «Вот такие дела, — шепчете вы без намёка на сочувствие. — Я просто покупаю своё выживание за жизни других». Вы готовы в любой момент снова открыть огонь и медленно двигаетесь по переулку навстречу какофонии стонов и выстрелов, купаясь в душном, задымлённом воздухе (312).

332

Офицер пренебрежительно смотрит на вас и говорит:

— Прекрасно! Ты получишь свой шанс. Возвращайся в строй и встань в первый ряд!

— Это не моя шеренга.

— Что ты сказал?

— Если я сменю ряд, то моя шеренга потеряет бойца, а перед атакой число людей в строю должно соответствовать плану боя. Так нам говорили на тренировках.

— Посмотрите-ка! Солдат, знающий устав, достойное исключение! А может, мне просто перевести кого-нибудь из первых рядов на твоё место?

— Вы здесь командир (334).

— Я бы предпочёл остаться в своём ряду (324).

333

Вы медлите несколько секунд, и этого оказывается достаточно, чтобы незнакомец нажал на спуск. Слышите щелчок механизма, мягкий свист и предсмертный стон. С ужасом смотрите на дверной проём, в котором появился имперский солдат. Несчастный очень молод, на вид не старше двадцати лет. Винтовка падает из его рук, и он сжимает ладонь на пробившей сердце стреле. Затем солдат

с грохотом падает на пол, недолго хрипит, захлёбываясь кровью, и наконец замирает. Тем временем его убийца, сам перепуганный до смерти, отбрасывает бесполезное оружие в сторону и смотрит прямо в дуло вашего карабина. Пальцы нервно дрожат на спусковом крючке. Вы задаётесь вопросом: убить (329) или сохранить жизнь (331)?

334

— Наконец-то начинаешь что-то понимать. Встань в строй! В свой ряд.

С безмерным облегчением вы быстро занимаете своё место, грубо толкнув солдата, который вас выдал. Вы молча ждёте начала обстрела и сигнала к атаке. Вскоре раздаётся грохот пушек, и стена падает, как детская игрушка, сметённая со стола сильным ударом. Играют трубы, а сосед-доносчик тычет в ваш бок прикладом и дрожащим голосом шепчет:

— Давай не дадим нас убить. Меня зовут Гарль.

Вы тоже хотите назвать своё имя, но на это нет времени. Вы бежите к пролому в стене. Штурм начался (317).

335

Ненавидя себя за трусость, вы хватаете со стола драгоценный документ и выбегаете на улицу. За спиной раздаётся ужасный крик испуганной Силлы, который тут же заглушает глухой удар и треск рвущейся ткани. Бежите прочь от своего бывшего дома со всех ног. Вы даже не пытаетесь спрятаться, и несколько раз вас обстреливают с обеих сторон. Как ни странно, все пули пролетают мимо, как будто грязная сделка с насильниками каким-то образом защищает вас от смерти (341).

336

Вы вместе с другими солдатами вываливаетесь из обгоревшего проёма в стене прямо под стволы отчаянных защитников. Оглушительно гремят старые ружья, и на мгновение всё вокруг скрывается в облаке белёсого дыма. Как и все, кому удалось чудом уцелеть после первого залпа, вы стреляете вслепую, пока не кончатся патроны. Ураганный обстрел из автоматического оружия буквально сметает защитников с позиций. Присев у какой-то стены, вы дрожащими руками загружаете восемь пуль в магазин. На зарядку карабина уходит гораздо меньше времени, чем на стрельбах, когда вам не угрожала внезапная гибель, располагающая к панической спешке. Вы присоединяетесь к ближайшей группе солдат, которая двигается по улице навстречу грохоту ожесточённой перестрелки. В какой-то момент отряд проходит мимо узкого, пустого переулка, отходящего от «вашей» улицы. Вы на мгновение останавливаетесь, размышляя, не укрыться ли здесь ненадолго (322) вместо того, чтобы идти прямо под вражеский огонь (312). Единственным недостатком такого решения является то, что вы отделитесь от группы, а как вас учили на тренировках, одинокий противник — заманчивая цель даже для очень плохого солдата.

337

Вы возвращаетесь в столицу в ореоле славы истинного патриота, который ставит долг перед Родиной выше, чем искусство. Нашёлся пример для других художников, своего рода символ, о котором говорят, посвящают ему газетные статьи. Однако вы не узнаёте себя в этом картонном, газетном персонаже. Вы чувствуете, что вашу личность украли и поместили на красочное знамя. Чтобы избавиться от шумихи и вытравить воспоминания о зверствах штурма, вы целиком посвящаете себя творчеству. Вы рисуете как сумасшедший и молниеносно выполняете один заказ за другим. Работа успокаи-

вает, хотя в течение следующих месяцев, а затем и лет, вы всё чаще мечтаете вернуться к воплощению собственных замыслов.

Между тем проходят десятилетия, а вы всё ещё трудитесь на заказ. Правда, от этого ваши картины не становятся менее ценными. Напротив — ваша репутация «жемчужины в короне имперских художников» вполне заслужена. К вам относятся как к национальному сокровищу, возводят на пьедестал, о вас говорят, делают заказы, поздравляют с успехами. За свою долгую жизнь вы дважды наблюдаете перемены на троне: очередные первосвященники, верные идее технократии, становятся Императорами. Вы болезненно одинокий и печальный человек, недовольный своей ролью сувенира при дворе. Единственное утешение — это заслуженная слава. В конечном счёте, вы преуспели как художник и заканчиваете свою жизнь в собственной постели, как богатый старец, озарённый славой мастера кисти. Перед смертью удаётся осуществить давнюю мечту и создать произведение только для себя. В опустевшей комнате, рядом с незаконченным последним заказом, слуги обнаруживают необычную картину. На ней изображено зеркало с тёмным, почти чёрным стеклом. Оно ничего не отражает. Рядом со своей подписью вы указали название картины — «Фон».

› *Концовка: Не всё то золото...*

338

Пункт назначения — родной Батер. Вы надеетесь, что место, в котором с вами, несмотря ни на что, случилось так много хорошего, каким-то образом позволит обрести душевное равновесие. Вы участвовали только в одном сражении и всё же ощущаете на плечах непосильную ношу, как солдат, который возвращается домой после долгих лет кровопролитной кампании. Соприкосновение со столь чуждым миром, как театр боевых действий, оказалось крайне болезненным, и быстро избавиться от этой раны не удастся. Пока же все ваши помыслы обращены к родному городу. Теперь вы склонны

идеализировать Батер, и через пару дней вам предстоит сопоставить дорогой образ с реальностью (318).

339

После короткого пребывания в госпитале вы возвращаетесь в столицу, где вас встречают как настоящего героя. Газеты неустанно превозносят необыкновенную «жертвенность во имя Родины». Теперь вы служите образцом для всех художников, которые, по мысли пишущих, тоже должны предпочесть гражданский долг «слепой любви к искусству». Самоотверженность принесла вам не только золото и славу. Ещё один «подарок судьбы» — это увечье. Пуля повредила внутренние органы и задела позвоночник, и теперь левая нога почти не действует. Однако надо радоваться, что хотя бы руки не пострадали. Вы снова берётесь за кисть и за два года создаёте масштабное полотно под названием «Слава». На нём изображены сотни сплетённых трупов павших. Дикие собаки и стервятники безжалостно терзают их. Первый показ картины совпадает по времени со смертью Императора. На его место назначается нынешний первосвященник. Этот заядлый сторонник технократов моложе и не столь фанатичен, как его предшественник. Смена власти предвещает годы мира и процветания для Империи, но для вас это уже не имеет ни малейшего значения.

После героической бойни, в которой вы сами вызвались участвовать, вдохновение полностью ушло, и «Слава» остаётся единственным исключением. Вы проводите целые дни на террасе своего особняка, думая обо всём и ни о чём. В один прекрасный день вы отписываете почти всё своё имущество первому встречному попрошайке с улицы. На оставшиеся деньги покупаете лошадь и фургон, в котором обустраиваете подобие дома и мастерскую.

Вы отправляетесь в путешествие, которое продлится десятилетия. Рано или поздно вы закончите свои дни в мире и покое, оставив за собой сотни прекрасных картин и легенду о «странствующем мастере», вдохновляющую многие поколения художников.

› *Концовка: На тропе истории*

340

Хотя вам удалось пережить выстрел, плохо обработанная рана даёт о себе знать ещё несколько месяцев. Пуля задела позвоночник, что привело к частичному параличу левой руки и ноги. Вы вновь поселяетесь в Батере и пытаетесь как-то прийти в себя. К счастью, вы регулярно получаете высокую пенсию. Однако вашей сестре, которая до сих пор является ярой противницей технократов, приходится гораздо хуже. Взятие Мегиддо становится не просто военным успехом, а ещё (и может, в большей степени) пропагандистским триумфом. Если даже сравнительно небольшая группировка наспех обученных ополченцев способна при снабжении новейшим оружием захватывать вражеские города, то насколько же сильна регулярная армия? Атип и другие окрестные государства смиренно выстраиваются в очередь, добиваясь благосклонности Империи.

Тем временем ваша умелая рука создаёт всё более мрачные картины. Кажется, что с потерей физических возможностей вы обрели творческую силу. Благодаря новоприобретённой славе, вы вскоре перебираетесь в столицу, где полностью посвящаете себя живописи. Теперь вы можете писать всё, что хотите. В вашем случае это тревожные картины, полные ужаса, гротеска и меланхолии. Хотя в газетах вас часто именуют декадентом, художественный мир встречает вас с распростёртыми объятиями. Вдобавок через два года после захвата Мегиддо умирает Император, а технократы на какое-то время теряют интерес к надзору над искусством. Новым Императором становится очередной первосвященник, также убеждённый технократ. Впрочем, политика вас больше не волнует.

С каждым месяцем вы становитесь всё слабее и слабее и, чувствуя это, проводите целые дни за созданием новых работ. По-видимому, роковой выстрел необратимо подорвал здоровье — болезни приходят всё чаще, протекают всё тяжелее, слабость усиливается, а беспомощные врачи лишь констатируют серьёзное повреждение почек. В день одиннадцатой годовщины штурма Мегиддо вы покидаете этот мир, и вас единогласно признают одним из самых ярких и самобытных художников этого века.

▾ *Концовка: Мастер*

341

Вы добираетесь до городской стены, рядом с которой расположился полевой госпиталь для тяжелораненых солдат Империи. Выхватываете документы, размахиваете ими, как сумасшедший, и кричите:

— Я свой! Свой!

Кто-то сбивает вас на землю. Другой военный перелистывает бумаги, а вы всхлипываете и бормочете:

— Меня заперли, и я ничего не мог сделать, ничего. Вы спасли меня! Вы герои! Герои!

Один из солдат дружески похлопывает вас по плечу, другой говорит, что всё закончилось. Вы спасены, вы живы. Следующие часы проходят в состоянии полного оцепенения — вы никак не реагируете на происходящее. Под вечер, когда город взят, вас приписывают к первой группе раненых, подлежащей отправке в Батер. Вы занимаете место в открытой повозке, забитой грязными, плохо перебинтованными людьми. Запахи пота и крови преследуют вас всю дорогу. В первый же день пути к ним примешивается смрад разлагающихся тел тех, кто не смог пережить ночь. В этом караване смерти вы возвращаетесь в родные края (318).

Уважаемый игро-читатель!

Мы надеемся, что данная книга-игра понравилась и вы хорошо провели время! Будем благодарны за любые отзывы о ней, которые можно оставить в соц-сети ВКонтакте:

https://vk.com/questbookru

или на сайте «Книги-игры и интерактивные рассказы»

https://quest-book.ru

Книги-игры
и интерактивные рассказы
http://quest-book.ru

